

22

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**Отражение жизни японской придворной аристократии
эпохи Хэйан в дневнике Сэй-Сёнагон (возможность
использования темы в школьном преподавании)**

Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.03.05. Педагогическое образование
Направленность программы бакалавриата
«История. Право»

Проверка на объем заимствований:
78,86 % авторского текста

Работа рекомендов. к защите

«И» сифе 2019 г.

зав. кафедрой всеобщей истории

Н.В.В. Виноградов Н.Б.

Выполнила:

Студентка группы

ОФ – 505 / 077-5-1

Гайсина Алеся Ильгизовна

Научный руководитель:

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории

С.М.Г. Горшков С.М.

Челябинск
2019

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Общая характеристика эпохи Хэйан	9
1.1. Характеристика социально-экономической и политической жизни	9
1.2. Императорский двор и аристократия	16
1.3. Духовная жизнь хэйанской эпохи.....	20
1.3.1. Синто	20
1.3.2. Буддизм	24
1.3.3. Даосизм и конфуцианство	26
Глава 2. Хэйанская аристократия в дневнике Сэй-Сёнагон	30
2.1. Сэй-Сёнагон и ее «Записки у изголовья»	30
2.2. Времяпрепровождение хэйанской знати	39
2.3. Отношение хэйанских аристократов к религии	48
2.4. Культ красоты. Эстетизация окружающего пространства	54
2.5. Сфера межличностных отношений.....	63
Глава 3. Возможность использования темы в школьном преподавании	68
3.1. Отражение темы в нормативных документах системы среднего образования и учебниках по курсу МХК	68
3.2. Методы и приемы обучения, используемые на уроках мировой художественной культуры при изучении темы «Искусство Страны восходящего солнца».....	76
Заключение	81
Библиографический список	84
Приложение	88

Введение

Эпоха Хэйан в Японии в специальной литературе, посвященной истории Японии, рассматривается как один из самых выдающихся этапов в развитии Японии в общем и японской культуры, в частности. Именно в это время, с конца VIII по XII век в Японии создается множество литературных произведений, которые закладывают принципы классического японского письма и, по сути, формируют японскую литературу. Для исторического исследования литература того времени служит источником, из которого, путем анализа произведений, можно выявить закономерности развития японского высшего общества и их отношения к тем или иным историческим процессам.

В качестве источника для данного исследования было выбрано литературное произведение, написанное в период Хэйан под названием «Записки у изголовья» Сэй-Сёнагон. Подробная характеристика источника будет дана во второй главе первого параграфа.

Большой вклад в изучение средневековой Японии был сделан советским востоковедом Н. И. Конрадом. В своих трудах он рассматривал различные аспекты японской истории и культуры. Н. И. Конрад, на основании перевода и анализа различных художественных произведений, написанных в период Хэйан, вырабатывает ряд положений, которые характеризуют культуру, быт, мировоззрение японского аристократа. Среди его трудов, наиболее значимым для рассмотрения данной темы можно назвать «Очерки японской литературы»¹. Автор не только охватил в своих исследованиях, отмеченных цельностью историко-литературной

---

¹ Конрад Н.И. Очерки японской литературы / Авт. Предисл. Б. Сучков. – М.: Худож. Лит., 1973. – 462 с.

концепции, самые различные периоды истории японской литературы – от ее зарождения до современности, но и «вписал» ее в широкий контекст развития японской культуры в целом, с одной стороны, и развития общемирового литературно-культурного процесса – с другой. Анализируя различные направления и жанры японской словесности, творчество ряда крупнейших мастеров слова, их отдельные произведения, Н.И. Конрад вводит нас в своеобразный мир художественного мышления японцев.

В «Очерки истории культуры средневековой Японии»¹, работу над которым Н.И. Конрад не успел довести до конца и которая была завершена Н.А. Иофан, автор с почти энциклопедической широтой синтезировал свои многолетние наблюдения во всех основных сферах духовной и материальной культуры Японии – истории и религии, философии и общественной мысли, идеологии и искусства, литературы и быта. Он излагает оригинальную философски осмысленную концепцию исторического развития культуры японского народа, помогая глубже проникнуть в ее самобытную сущность.

Значительный вклад в развитие темы внесла советский историк Н. А. Иофан. Исследуя данные археологии и этнографии, памятники литературы и искусства (архитектуры, скульптуры, живописи, музыки, театра) на фоне политической и социально-экономической истории, автор трактует мифологические и религиозные представления японцев, их эстетические идеалы, национальный стиль и образную систему, прослеживает процесс становления культурной традиции. Н.А. Иофан отмечает стадиальную зрелость культуры древней Японии, выразившуюся как в ее восприимчивости, так и в способности отбора и преодоления чужеземных влияний².

---

¹ Конрад Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии: VII-XVI века / Авт. Предисл. Н.А. Иофан. – М.: Искусство, 1979. – 144 с.

² Иофан Н.А. Культура древней Японии / Отв. ред. Н.А. Виноградова. – М.: Наука, 1974. – 261 с.

Один из крупнейших советских японистов Горегляд В. Н. освещает весьма широкий круг проблем в своих работах. Среди литературных жанров, сформировавшихся в период Хэйан и занявших прочное место в процессе дальнейшего развития японской литературы, особое место принадлежит дневниковой литературе («никки») и эссе («дзуйхицу»). «Ни в какой другой литературе мира, – подчеркивает В.Н. Горегляд, – дневники и эссе не занимают столь видного места, как в японской». В книге рассказано об основных памятниках (в том числе и о «Записках у изголовья»), дана их текстологическая характеристика, раскрыто идейное содержание (представления о мире, прошлая и будущая жизнь и идея кармы, идея эфемерности, взгляды на монахов и монашество, отношение к буддийской службе и церемониям и т.д.). Освещены вопросы поэтики, проблемы жанра. При этом автор трактует рассматриваемое им явление на фоне общих вопросов культуры японского раннесредневекового общества. Среди его работ, затрагивающих тему данного исследования можно назвать «Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв.»¹ и «Японская литература VIII-XVI вв.»².

Григорьева Т. П. в своих работах стремится раскрыть истоки художественного мышления японцев, показать, что питало японскую национальную эстетическую традицию. Т.П. Григорьева держит в поле зрения также и японскую философию, и японское искусство, и религии Японии и углубляется в основы японской культуры в целом, к которой она подходит как к целостной системе. Остановливаясь на том влиянии, которое оказали на художественное мышление японцев древнекитайские учения, она подчеркивает своеобразие японской культуры, литературы, искусства³.

¹ Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. / Отв. ред. О.Л. Фишман. – М.: Наука, 1975. – 379 с.

² Горегляд В. Н. Японская литература VIII—XVI вв.: Начало и развитие традиций. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001: 2-е изд. – 400 с.

³ Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. – М.: Наука, 1979. – 201 с.

Важным источником информации о развитии культуры, образе мышления и образе жизни хэйанских аристократов являются труды И. А. Борониной¹.

Одним из видных современных историков-японистов является А. Н. Мещеряков. В его работах содержатся очерки японской истории, биографии политических лидеров и видных деятелей хэйанской эпохи. Помимо этого, труды Мещерякова А. Н. сыграли довольно большую роль в изучении японского буддизма и синтоизма².

Известный советский востоковед А. Е. Жуков в своем учебном пособии, которое являлось первым обобщающим трудом по истории Японии уделяет внимание не только культуре Японии, но, также, в работе присутствует тема взаимоотношений Японии с Китаем³.

Энциклопедическое издание «Боги, святилища, обряды Японии: Энциклопедия синто» под редакцией И.С. Смирнова содержат информацию о развитии культуры и религии Японии⁴.

Пасков С. С. в своём научном труде «Япония в раннее Средневековье: VII-XII века: Исторические очерки» приводит довольно полный анализ процесса становления вотчинной системы в японском средневековом обществе, подробно рассмотрен политический переворот 645 г. и проблемы реформ Тайка. Также Пасков С. С. уделяет внимание теме усиления роли буддизма в обществе, духовной культуре и быту хэйанского общества. Отдельно вынесена на рассмотрение типология японского феодального общества⁵.

Книга японского историка и философа Иэнага Сабуро представляет собой первое на русском языке всестороннее и систематическое изложение

¹ Боронина А.И. Классический японский роман. – М.: Наука, 1981. – 295 с.

² Мещеряков А.Н. Древняя Япония: Буддизм и синтоизм. – М.: Наука, 1987. – 192 с.

³ Жуков А. Е. История Японии. Т.1. С древнейших времен до 1868 г. М., Институт востоковедения РАН, 1998. – 659 с.

⁴ Боги, святилища, обряды Японии: Энциклопедия синто / Под ред. Смирнова И.С., Мещеряков А.Н., Федянина В.А. – М.: РГГУ, 2010. – 310 с.

⁵ Пасков С.С. Япония в раннее средневековье: VII-XII века. Исторические очерки / Отв. ред. Г.И. Подпалова. – М.: Либроком, 2011. – 208 с.

истории японской культуры от ее истоков до сегодняшнего дня. Основное внимание в работе уделено древней и средневековой культуре. Анализируя различные явления и тенденции развития искусства, религии, идеологии и т.д., автор изучает их социальные основы в свете истории различных групп японского общества. Рассматривая роль политики и политических институтов в истории культурного развития Японии, он раскрывает огромную зависимость культуры от политических факторов. Мы узнаем о том, как на протяжении многих столетий японский народ, впитывая в себя влияние других, чужеземных культур и творчески перерабатывая их наследие, сохранил свою в высшей степени самобытную культуру, пронизанную древними и специфически японскими традициями¹.

Целью исследования было изучение отражения жизни японской придворной аристократии эпохи Хэйан в дневнике Сэй-Сёнагон.

Для достижения данной цели были сформулированы следующие задачи:

- Рассмотреть традиционное японское общество, в рамках исторического контекста (эпоха Хэйан);
- Проанализировать источник – «Записки у изголовья», как отражение жизни японской придворной аристократии эпохи Хэйан;
- Определить, как материал работы может быть использован в школьном преподавании.

Объектом исследования является произведение Сэй-Сёнагон «Записки у изголовья».

Предметом исследования является отражение жизни японской придворной аристократии эпохи Хэйан в дневнике Сэй-Сёнагон.

В ходе работы для решения поставленных задач были использованы общие методы научного исследования, такие, как анализ, синтез,

---

¹ Иэнага Сабуро. История японской культуры: пер. с яп. / ред. В.С. Гривнин. – М.: Прогресс, 1972. – 229 с.

индукция. Из специально-исторических методов мы использовали историко-сравнительный метод.

Географические рамки исследования – столица Японии город Хэйан.

Хронологические рамки – приблизительно 993-1000 гг., время, когда Сэй-Сёнагон находилась на службе в свите императрицы Садако.

Структура работы включает в себя введение, три главы, заключение, а также библиографический список и приложение.

Глава 1. Общая характеристика эпохи Хэйан

1.1. Характеристика социально-экономической и политической жизни

Рассматривая жизнь, культуру и досуг средневековой японской аристократии, необходимо осветить ее культурное и нравственное развитие без отрыва от исторической эпохи, так как время (историческое) имеет огромное значение (и влияние) на становление интересов, нравов, быта и самой специфики образа жизни аристократии.

Эпоха Хэйан (794-1192) начинается с переноса столицы из Нара в Хэйан-кё (современный г. Киото), что в переводе означает «Столица мира и спокойствия». Новая императорская резиденция Хэйан не уступала великолепием и роскошью своих дворцов столице танского Китая Чанъани. Расположенный в горной долине, где протекали три реки – Камо, Кацура и Удо, город со своими прямыми магистралями, высокими пагодами и каналами сочетал в себе строгую торжественность и необычайную живописность. Практика перенесения двора и столицы вела свое происхождение от древних представлений об оскверненности старого дома смертью. Однако теперь это объяснялось главным образом различными политическими соображениями. Перенесение столицы отвечало интересам феодальной аристократии в лице рода Фудзивара, занявшей господствующее положение в стране, и стремлению центральной власти ослабить влияние церкви, оградить себя от контроля нарского духовенства¹.

---

¹ Бродский В.Е. Японское классическое искусство. М., 1969. С. 21-28.

Период с IX по XII век в Японии ознаменовался дальнейшим развитием феодальных отношений. В IX в. начался процесс формирования частных земельных владений (сёэнов), что означало исчезновение наделной системы землепользования. Уже сам принцип распределения наделов допускал возможность существования частных хозяйств: поднятые целинные земли, которые находились главным образом на периферии, и восстановленные для посевов пустоши отходили в вечное пользование их владельцам.

Стремление феодальных домов увеличивать в своих владениях площади, не подлежавшие переделу, характерно для всего хэйанского периода. Поскольку свободных земель, не входивших в наделный фонд, было больше всего в провинциях, отдаленных от центра страны, независимыми от государства владельцами становились прежде всего местные феодалы. Кроме того, все реже происходило перераспределение наделов, что, ко всему прочему, являлось средством контроля должного функционирования наделной системы. Наблюдалась также тенденция присваивать наделы, выдавая их за новые земли. В результате с середины X в. сёэны стали господствующей формой земельной собственности¹.

Изменение форм феодальных отношений самым непосредственным образом отразилось на экономическом и политическом положении социальных групп внутри страны.

Правящая элита в хэйанский период складывалась из трех основных слоев: столичной аристократии и чиновничества; феодалов, прибывших из столицы в провинцию для осуществления там административных функций; провинциальных феодалов, не связанных со столицей. Благосостояние этих социальных групп зависело от двух источников: наделов и частных владений. Большую роль в содержании двора, столичной аристократии и чиновничества играли доходы, получаемые

---

¹ Пасков С.С. Япония в раннее средневековье: VII-XII века. Исторические очерки / Отв. Ред. Г.И. Подпалова. М., 2011. С. 75-87.

государством в виде податей с владельцев наделов. По мере роста числа сёэнов, которые налогами не облагались и превращения наделов в частные владения, сокращались государственные доходы, в результате чего столичная аристократия беднела, а периферийные феодалы богатели¹.

Со временем стирались различия между феодалами, постоянно проживавшими в провинции, и командированными сюда из столицы. Последние оседали здесь на многие годы и стремились превратить свои должности в наследственные. Им удавалось увеличивать площадь своих частных владений, используя служебное положение и отсутствие сколько-нибудь эффективного контроля из центра. Местная знать следовала их примеру. Принципиальные различия между этими слоями стирались по мере выявления противоречий между столичной аристократией и провинциальной знатью. В конечном счете, феодалы на периферии стали настолько могущественной общественной силой, что смогли осуществить своеобразный государственный переворот, захватив в конце XII в. политическую власть в стране².

Развитие новых форм земельной собственности изменило положение крестьянства, эксплуатация которого все более усиливалась. Крестьяне платили общегосударственный налог, местные власти облагали их дополнительными поборами, во многих случаях шедшими в пользу провинциальных чиновников. Подобная практика разоряла крестьянские хозяйства, вынуждала их владельцев бросать свои наделы и искать укрытие в сёэнах или заниматься разбоем³.

Бегство крестьян с наделов уменьшало государственные доходы, а следовательно, доходы двора и столичной аристократии, в первую очередь зависимых от налоговых поступлений. Данное обстоятельство

---

¹ Жуков А.Е. История Японии. Т.1. С древнейших времен до 1868 г. М., 1998. С. 185-187.

² Жуков А.Е. История Японии. Т.1. С древнейших времен до 1868 г. М., 1998. С. 185-187.

³ Кузнецов Ю.Д. и др. История Японии. М., 1988. С. 52-53.

стимулировало, в свою очередь, усиление эксплуатации трудового населения. Таким образом, получался замкнутый круг, выход из которого крестьяне находили в открытых выступлениях против властей. Развитие феодальных отношений в хэйанский период привело в конечном счете к формированию типичной для феодального общества структуры. Сильные феодальные дома подчиняли себе мелкопоместных феодалов. В свою очередь, те и другие имели зависимых крестьян (естественно, не в равной пропорции), число которых по указанным выше причинам неизменно увеличивалось. Большинство крестьян были землевладельцами, некоторая часть их входила в вооруженные отряды, организовывавшиеся в сёэнах¹.

Как уже отмечалось, решающее влияние на императора приобрел дом Фудзивара, который берет свое начало от древнего рода Накатоми². Система централизованного управления государством, обретшая в середине VIII века свою наибольшую силу, в IX веке становится во многом формальным фактором. Рост феодальных владений, их экономического и политического влияния ограничивали практические возможности императорской власти, все больше получавшей символическое и терявшей реальное значение.

Влияние Фудзивара на императорскую семью осуществлялось в хэйанский период в разнообразных формах. Еще в конце VII в. императоры начали брать в жены представительниц этого рода, и в дальнейшем такой обычай превратился в традицию, принявшую силу закона. Благодаря родственным связям с императорским домом, Фудзивара имели возможность занимать, при необходимости, высшие посты в государстве и проводить политику, выгодную для своего дома. Так постепенно складывались предпосылки для появления чуть позже стройной системы регентов-канцлеров³. С середины IX века и до середины XII века, то есть

---

¹ Жуков Е.М. История Японии. М., 1939. С. 21.

² Иэнага Сабуро. История японской культуры. М., 1972. С. 71.

³ Кожевников В.В. Очерки истории Японии VII-XI вв. Владивосток. 2000. С. 89-91.

на протяжении почти трех столетий, Фудзивара в качестве регентов, при малолетних императорах и канцлеров (кампаку) – при царствующих, управляют страной.

Главным правительственным органом был Государственный совет (Дайдзёкан), возглавлявшийся Первым министром (дадзё дайджин). За первым министром в нисходящем порядке следовали Левый министр (садайджин), Правый министр, Министр двора (найдайджин), несколько старших советников (дайнагоны), советников (тюнагон) и младших советников (сёнагон)¹.

Центральному правительству подчинялось восемь придворных ведомств (двора, культа, складов и финансов, верховных дел, гражданских дел, церемоний и чинов, военных и публичных дел). Каждое ведомство имело свою систему чинов.

Страна была поделена на провинции, подразделяющиеся на уезды. В этих административных единицах были созданы органы управления с губернаторами и уездными начальниками во главе. Уездные начальники осуществляли контроль над крестьянскими поселениями. Провинциальная администрация подчинялась центральной власти².

Своеобразной попыткой ряда императоров сохранить определенное политическое влияние явилось создание в последних десятилетиях XI века системы так называемого монастырского правления (инсэй). Император, передав престол сыну, постригался в монахи и получал высокий буддийский титул. Смысл ухода монарха в монастырь заключался в том, что он освобождался от прямой зависимости от канцлера, власть которого распространялась только на сидящего на троне императора. Ушедшие в монахи императоры стремились опереться на силу буддийской церкви, которая в тот период превратилась, по сути, в государство в государстве. Уход императора в монастырь отнюдь не означал превращения его в

---

¹ Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М., 1975. С. 19.

² Кузнецов Ю.Д. и др. История Японии. М., 1988. С. 58.

полноправного суверена: монах оставался, по существу, зависимым, хотя и от других лиц¹.

В качестве опоры своей власти они взяли вновь зарождающийся слой – самураев. Самурайское сословие все активней принимало участие в политической жизни страны, без него уже нельзя было решать столичные проблемы. Тот факт, что одновременно могло существовать несколько экс-императоров при одном действующем, негативно сказался на борьбе императорского дома за власть в стране. Сложные личные отношения, соперничество в итоге привели к событиям Хогэн-но ран (смута городов Хогэн), что привело к полной потере политической власти императорским домом и приходом к власти сословия военных – буси².

Япония длительное время подвергалась воздействию континентальной (в основном китайской) культуры, однако к концу IX в. процесс ее бурного заимствования был приглушен. Она не смогла в существенных чертах изменить японскую национальную культуру, которой удалось сохранить свою самобытность. Заимствования иноземной цивилизации быстро адаптировались на японской почве, теряя свой первоначальный облик. По наблюдению В.Н. Горегляда, «отличительной особенностью культуры хэйанской эпохи по сравнению с предшествующей и последующей эпохами было ее самостоятельное развитие, свободное от постоянного живого влияния континентальной культуры»³. Японское правительство перестало посылать посольства к китайскому двору и почти прекратило общение с континентом. Сознательное ослабление политических и духовных связей с Китаем, переживавшим период междоусобных войн, усилило и углубило

---

¹ Жуков А.Е. История Японии. Т.1. С древнейших времен до 1868 г. М., 1998. С. 189-191.

² Жуков А.Е. История Японии. Т.1. С древнейших времен до 1868г. М., 1998. С. 192-194.

³ Горегляд В.Н. Буддизм и японская культура VIII–XII вв. // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. М., 1982. С. 178-179.

стремление к созданию самобытных культурных ценностей. Ощущение значимости собственной культуры, противопоставление ее культуре иноземной проявились в это время в характере всей творческой жизни страны¹.

Эпоха Хэйан считается одной из самых ярких эпох японской истории, отмеченной небывалым расцветом культуры и наложившей отпечаток на все дальнейшее развитие страны.

Появление в IX в. японской азбуки (кана) способствовало расцвету японоязычной литературы, разрушало ее зависимость от китайской письменности². И хотя китайский язык остается языком исторических, юридических и теологических трудов, литературу начинают предпочитать на родном языке.

Эпоха Хэйан характеризуется мощным расцветом искусств. Развивается живопись, возникает национальная школа живописи «Яматоэ». В Хэйане функционирует Академия художеств. Развивается архитектура. Строятся буддийские храмы, воздвигаются роскошные дворцы³.

Хэйан, ставший средоточием всей культурной жизни страны, притягивал к себе людей со всех концов Японии. Столица непрерывно пополнялась деятельными и талантливыми людьми. Мечта о счастье, радостной прекрасной жизни отождествлялась с пребыванием в столице. В городе процветали разнообразные ремесла, специальные мастерские были заняты изготовлением золотых расписных и инкрустированных перламутром лаковых предметов обихода, музыкальных инструментов, ювелирных изделий, светильников, вееров и цветной бумаги для писем. Печатью особого изящества, утонченной роскоши отмечены все виды искусства⁴.

---

¹ Иэнага Сабуро. История японской культуры. М., 1972. С. 68.

² Бреславец Т.И. Литература Японии VIII-X вв. Владивосток. 2005. С. 81.

³ Боронина И.А. Классический японский роман. М., 1981. С. 13-14.

⁴ Виноградова Н.А. Скульптура Японии. III - XIV век. М., 1981. С. 169.

1.2. Императорский двор и аристократия

Основой социальных отношений являлись генеалогии, созданные в рамках императорского мифа. Создавались специальные родовые списки, в которых кодифицировалась иерархия всех знатных родов. Высшую ступень иерархии занимали потомки царей, потомки богини Аматэрасу. В списках представители знатных родов, опираясь на хранившиеся у них материалы, доказывали древность и знатность своего происхождения и права на исполнение определенных функций (например, род Такахаси – на подготовку и принесение различных жертвоприношений богам и на обслуживание императорского стола, род Имибэ – на исполнение религиозных ритуалов)¹.

Положение придворной аристократии определялось не только близостью к императорскому роду и титулом знатности, но и величиной придворного ранга.

В стране для аристократов действовал табель о рангах, которая была установлена кодексом «Тайхорё» и включала 4 степени рангов для принцев крови и 30 степеней для чиновников – аристократов. Эти 30 степеней делились на 4 основные группы: ками, сукэ, дзё, сакан. Разряд ками включал в себя всех чиновников, которые занимали высшие посты в соответствующих учреждениях. К разряду сукэ относились заместители руководителей соответствующих департаментов. К разряду дзё причислялись все остальные помощники глав ведомств. Что касается сакан, то к этому разряду были отнесены мелкие ведомственные чиновники (например, писцы)².

¹ Жуков А.Е. История Японии. Т.1. С древнейших времен до 1868г. М., 1998. С. 177-178.

² Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М., 1975. С. 19.

Повышение в чинах и назначение на должности обычно производилось по крупным праздникам или в особо торжественных случаях (восшествие на престол нового императора, рождение наследного принца и т.п.). Некоторые придворные чиновники время от времени получали назначение в губернаторы-управители различных провинций на определенные сроки, по истечении которых возвращались на прежнюю службу. Постепенно образовалась группа аристократов, регулярно выезжавших управлять отдаленными провинциями и даже специально добивавшихся такого назначения из-за доходности службы и фактической бесконтрольности со стороны центрального правительства.

Дочери крупных чиновников тоже не оставались в стороне от службы. Император и его жены, многочисленные принцы крови имели собственные свиты, составленные из молодых женщин аристократических фамилий. Чем ближе к императору стояла та или иная августейшая особа, тем труднее было попасть в ее свиту. Так, например, отбором кандидаток в свиту императрицы Акико, супруги императора Итидзэ (980-1011), лично занимался ее могущественный отец Фудзивара Митинага. Для того, чтобы попасть в свиту, кроме знатного происхождения, девушки должны были обладать талантами в области литературы и искусства, хорошим вкусом и привлекательной внешностью¹.

Вокруг двора группировалась довольно многочисленная столичная аристократия, жившая, как уже говорилось, главным образом на доходы, получаемые в виде налогов с наделов. В г. Хэйане сосредоточился наиболее образованный слой японского общества того времени. Между этим слоем, складывавшимся исключительно из аристократии, и остальным населением страны, включая феодалов с периферии, очень скоро возникла непреодолимая пропасть. Столичная аристократия практически устранилась от хозяйственной деятельности (государственными поместьями управляли местные феодалы и

---

¹ Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М., 1975. С. 19-20.

чиновники), вследствие чего ослабли, а позднее и совсем оборвались ее связи с деревней, трудовым населением¹, т. е., по существу, со всей страной. Не слишком утруждали они себя государственными делами. В центральном правительственном аппарате была занята лишь малая часть аристократии, к тому же нередко номинально. Столичная аристократия представляла собой довольно замкнутый и тесный мирок, центром которого являлись дворцовые покои. Следует также не забывать и о постепенном ее обнищании, и о потере общественного авторитета. Своеобразное положение аристократии в хэйанском обществе отражали ее образ жизни и занятия. За внешним блеском и роскошью повседневного существования, многочисленными банкетами, изысканными манерами, культом чувственности, дворцовыми интригами скрывались внутреннее беспокойство, неудовлетворенность жизнью, что особенно характерно для второй половины хэйанского периода.

Все интересы этой узкой социальной прослойки целиком замыкались на событиях, ограничивающихся пространством дворца или усадьбы значительного чиновника. А все, что находилось вне его – вся безбрежная действительность, жизнь людей низкого положения, – рассматривалось как нечто необычное, мир нереальной жизни и оставалось вне поля зрения аристократов². Хэйанская аристократия была занята, прежде всего, собственным внутренним духовным миром, своими переживаниями и слабо представляла себе, что происходит за его пределами.

В столице находилась самая блестящая часть японской интеллигенции, чему весьма способствовало меценатство императоров правящей феодальной династии Фудзивара. Императорский двор был центром интеллектуальной жизни.

Японская знать уделяла большое внимание образованию молодежи. Монастыри, при всем их большом значении в культурной жизни страны,

---

¹ Иэнага Сабуро. История японской культуры. М., 1972. С. 72.

² Иэнага Сабуро. История японской культуры. М., 1972. С. 72.

уже не являлись единственными распространителями знаний. Помимо них в каждой провинции возникли школы, был создан столичный университет – Дайгакурё¹. Молодые аристократы должны были уметь бегло читать и писать по-китайски, знать наизусть многие сочинения конфуцианских классиков и буддийские сутры, знать китайскую и японскую историю и основы законодательства, искусно сочинять стихи и играть на музыкальных инструментах, разбираться в тонкостях придворного этикета. Только выпускники университета могли занимать высокие чиновничьи должности в придворных ведомствах.

Наследственный характер социальной принадлежности и корпоративность аристократии, естественно, требовали, чтобы аристократы отличались от представителей других сословий и чисто внешне. Такие отличия были определены и законодательно, и неписаной традицией. Первым и самым заметным признаком отличия придворной аристократии был цвет одежды. Придворной элите разрешалось использовать одежду семи строго определенных цветов, наиболее представительными из которых были фиолетовый, красный, зеленый и белый. Внутри самого сословия цвет играл чиноразличительную роль².

О положении человека при дворе свидетельствовал также пошив одежды, оформление его повозки (материал, кисти, шнуры), высота ворот, ведущих в его поместье и даже темп передвижки его упряжки по дороге. Аристократу в высоких чинах следовало ездить не спеша, и это не трудно было делать, потому что в повозку в те времена запрягали быков, а не лошадей. Лошадьми же пользовались только для дальних поездок или верховой езды.

Царские выезды к святыням превращались в подлинные праздники, они сопровождались нарядным эскортом придворных. Прогулки в горы для созерцания красот природы, состязания в стихосложении, игре на

---

¹ Бреславец Т.И. Литература Японии VIII-X вв. Владивосток. 2005. С. 77.

² Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М., 1975. С. 19.

музыкальных струнных инструментах, упражнения в каллиграфии составляли круг повседневных занятий придворной аристократии. Умение изящно и образно выражать свои чувства путем аллегории или намека, проявление вкуса, например, в выборе цвета бумаги для письма, одежды в соответствии с праздником или сезоном высоко ценились и зачастую открывали путь к политической карьере. Изящные искусства и литературное творчество процветали и играли большую роль во мнении общества. Религия также осмыслялась сквозь призму эстетики.

1.3. Духовная жизнь хэйанской эпохи

Традиционные ценностные представления сформировались в Японии на основе синтоизма, буддизма, а также конфуцианства и даосизма. Эти идеи определяли самоощущение человека, его отношение к миру, характер отношений между людьми, субординацию в семье и государстве.

1.3.1. Синто

Синтоизм – национальная религия японцев, происхождение которой теряется в глубине веков. Эта политеистическая религия в содержательном плане во многом является преемницей архаических шаманских культов.

На протяжении веков сами японцы не имели нужды в обозначении своих традиционных верований. Такая нужда появилась после того, как на острова проникли пришлые религии, прежде всего – буддизм, а также даосизм и конфуцианство. Именно в качестве противопоставления буддизму возник термин *ками-номити* (букв. «путь ками (богов)»)¹.

Данная духовная традиция включает в себя «все присущие первобытным народам формы верований и культов – тотемизм, анимизм,

---

¹ Накорчевский А.А. Синто. СПб., 2003. С. 295.

магию, культ мертвых, культ вождей и т. п. Древние японцы одухотворяли окружающие их явления природы, растения и животных, умерших предков, с благоговением относились к посредникам, осуществлявшим связь с миром духов, – к магам, колдунам, шаманам»¹. Позже, уже испытав влияние буддизма и многое переняв от него, первобытные синтоистские шаманы превратились в жрецов, отправлявших обряды в честь различных божеств и духов в специально для этого сооружаемых храмах.

Ками являются объектами культа. По воззрениям японцев, они обитают везде – в небесах, на земле и море. У каждой местности есть свой ками – «хозяин». Каждая гора, скала, водопад или много лет живущее дерево также назывались ками. Божествами считались некоторые животные. От богов, по представлениям японцев, во многом зависело существование каждого индивидуума, в связи с чем они и почитались. С течением времени на основе отдельных разрозненных представлений вырабатываются культы – культ предков и культ природы.

Согласно синтоизму, человек ведёт своё происхождение от одного из бесчисленных божеств и духов - ками. Среди ками особое место занимает верховное божество - богиня Солнца Аматэрасу-о-ми-ками ("Великая богиня, сияющая на небе"), потомками которой являются все японские императоры, правящие государством непрерывно и считающиеся живыми божествами в человеческом облике².

Теологи синтоизма проповедуют, что у истоков каждого отдельного рода когда-то стояло божество, которое впоследствии стало рассматриваться как покровитель клана – удзигами. Деятельность всех удзигами носила охранительный характер: они покровительствовали жизни и деятельности членов рода. Этот общий культ предков объединял отдельных членов рода. Степень знатности того или другого рода определялась в зависимости от близости или отдалённости родства к

---

¹ Васильев Л.С. История религий Востока: Учебное пособие для вузов. М., 1999. С. 356.

² Спеваковский А.Б. Религия Синто и войны. Л.: Лениздат, 1987. С. 15.

«внукам неба»), а последние гордились своим прямым и непосредственным происхождением от богини солнца Аматаэрасу¹.

Синтоистское мирозерцание включает в себя культ природы, специфически синтоистское отношение к природе как к единому одухотворенному сакральному пространству, где все части взаимосвязаны. Люди, животные, птицы и растения одухотворены единой общностью, позволяющей им ощущать природные связи. Предметы и явления природы оказываются одухотворенными, населенными божествами, связанными между собой невидимыми нитями. Создается единое сакральное пространство природы².

Именно анимистическое восприятие Вселенной стало причиной отсутствия в религиозном сознании сколь-либо ясных границ между миром духов и миром людей. «Древние японцы просто ощущали себя интегральной частью космоса, как “сообщества живых существ”, обладающих природой ками (божественной природой)», – пишет известный исследователь японской культуры профессор Джозеф Китагава³. Пантеон синтоизма огромен, причем его рост не контролировался и не ограничивался.

Отличительной чертой синтоизма является отсутствие каких-либо канонических текстов в прямом смысле этого слова. Тем не менее, существуют древние летописные сказания, являющиеся вместе с тем и сборниками мифов «о происхождении» – Кодзики, Фудоки, Нихонги и др. Здесь объясняется происхождение мира и человека, развитие человеческой культуры, истоки существующего строя – вообще всего, что входило в кругозор древних японцев. Но важная роль данных сводов заключалась в

---

¹ Мещеряков А.Н. Древняя Япония: Буддизм и синтоизм. М., 1987. С. 45.

² Боги, святилища, обряды Японии: Энциклопедия синто / Под ред. Смирнова И.С., Мещеряков А.Н., Федянина В.А. М., 2010. С. 289.

³ Китагава Д.М. Религия в истории Японии / пер. с англ. Селиверстова Н.М. СПб., 2005. С. 24.

том, что они закрепляли положение знатных родов, чьи потомки представлялись проекцией божеств эпохи Богов и выполняли их функции.

Синтоистское богослужение в основном состоит из 4 элементов – обряд очищения (хараэ) состоящий из произнесения канниси – специальных очищающих заклятий, жертвоприношения (синсэй), краткой молитвы (норито) и возлияния (наораи)¹.

Помимо обычных (рядовых) храмовых богослужений существуют также широкие торжества фестивального характера, привлекающие значительное количество народа, обычно именуемые мацури – «праздник». Относительно происхождения данного слова – «мацури» – имеется несколько версий. Самой вероятной считается та, что указывает на происхождение слова от глагола мацу – «ждать». Соответственно, мацури означает буквально «ожидание в данное время в определенном месте чего-то невидимого, что непременно появится и что надлежит приветствовать с большим уважением»². Количество мацури крайне велико. Самыми известными являются празднования, связанные с сельскохозяйственными сезонами, а также храмовые празднования (рэйтай). Внешние формы мацури весьма разнообразны. Однако, как правило, они включают в себя широкие народные гулянья с массовыми шествиями и танцами. Суть происходящего заключается в единении с ками, участвующими в празднествах и веселящимися вместе со своими почитателями.

Синтоизм был религией родового строя. С течением времени он уже не мог отвечать интересам выделившейся феодальной знати. Но несмотря на это, древняя национальная религия синто легло сочеталась с новыми, заимствованными учениями, которые, не вытесняя местного традиционного культа синто, своеобразно переплетались и как бы выстраивались над ним.

---

¹ Иофан Н.А. Культура древней Японии. М., 1974. С. 108-112.

² Молодякова Э.В. Синтоистские праздники // Синто – путь японских богов: в 2 т. Т. I. СПб., 2002. С. 479.

1.3.2. Буддизм

Важным элементом мировоззрения хэйанской аристократии, её духовного облика был буддизм. Проникновение его в японскую культуру обнаруживается в VI веке. В эпоху Хэйан буддизм усиливает своё влияние.

Буддизм эпохи Хэйан характеризовался как буддизм миккё – «тантрический», «эзотерический» или «мистический» и был представлен двумя влиятельными школами Тэндай («Опора небес») и Сингон («Истинные слова»)¹. Первая была китайского происхождения, вторая – индийского. Обе возникли примерно одновременно, в начале IX в., и преследовали высшую цель – приобщение к состоянию Будды, однако предлагали различные пути её достижения. Если Тэндай учила постепенному восхождению к истине путём умозрения и неуклонного овладения законом, то Сингон «наставляла» на этот путь без особых рационалистических построений. Для Сингон это был путь мантры – тайного слова. Сингон придавала большое значение обрядности.

Учения обеих сект были в достаточной степени синкретическими. Тэндай, например, проповедуя центральную доктрину Махаяны о всеобщем спасении (природа Будды живёт в каждом из нас, цель жизни состоит в том, чтобы развивать её, пока мы полностью не освободимся от цикла перерождений до состояния Будды), не отвергала и доктрин других сект и даже других религий. Тэндай приобрела значение государственной религии. Её главным оплотом были монастыри, построенные на горе Хиэй в столичном округе Хэйан-кё.

Сингон проповедовала иной путь постижения истины. Проповедь её доктрин предполагала непосредственное общение между учителем и учеником. Она была тесно связана с искусством, придавала особое значение литературе, живописи, скульптуре, музыке. Кукай, основатель секты Сингон в Японии, писал: «Эзотерические письма так глубоки и

---

¹ Розенберг О.О. Проблемы буддийской философии. М., 1991. С. 55.

трудны для понимания, что их смысл не может быть передан иначе, как посредством искусства...» И далее: «Секреты сутр и комментариев могут быть выражены средствами искусства, и тогда эзотерические учения, составляющие сущность истины, становятся ясными. Ни учителя, ни ученики не могут обойтись без них. Искусство есть то, что раскрывает нам состояние совершенства»¹.

Символика учения Сингон, красочность и пышность обрядности, доставлявшей хэйанцам эстетическое наслаждение, в немалой степени способствовали её популярности. Сингон также пользовалась значительной официальной поддержкой. Её доктрины исповедовали многие члены императорской семьи и фамилии Фудзивара.

Особенность этих новых школ заключалась в умелом синтезе континентального буддизма с местными верованиями, приспособлении веры к потребностям аристократов, как и к средневековому японскому менталитету вообще.

Важнейшие доктрины буддизма Махаяны, как учение о карме и бренности бытия, прочно вошли в сознание хэйанца. Идея кармы, понимается как закономерная связь причин и следствий, как общий итог поступков и акций героев, как «предопределенность» человеческой судьбы в прежнем существовании – «сюкусэ». В соответствии с идеей кармы индивидуум свободен определять своё будущее в зависимости от моральной значимости его настоящих поступков и действий, однако сами эти действия уже предопределены тем, что он совершил в прежнем рождении: цепь причинно-следственных связей уходит далеко в прошлое, охватывая бесконечные перерождения, которые человек ни в малейшей степени уже не может контролировать. Результатом этой формы фатализма

---

¹ Моррис А. Мир блистательного принца. Придворная жизнь в древней Японии / Пер. Харитонов Д. М., 2019. С.100.

почти неизбежно становятся беспомощность, покорность судьбе, пассивность и нежелание активно участвовать в жизни¹.

Буддийская доктрина о бренности всего мирского, а следовательно, недолговечности и эфемерности самой красоты не только не противоречила, но и органически сочеталась с постоянным стремлением к прекрасному и ощущением прелести жизни. Во всем, в том числе и в грустном и печальном, есть своё очарование, есть оно и в бренности бытия. Оттого что жизнь бrenна, она не утрачивает своего смысла и своей прелести. Более того, сама недолговечность красоты придаёт ей и особую ценность.

Таким образом, буддийская идеология эзотерических сект и аристократическая тенденция к эстетизации жизни и поэтизации природы и других объектов вещного и духовного мира своеобразно дополняли друг друга в рамках единой, синкретической культуры Хэйана.

1.3.3. Даосизм и конфуцианство

Синкретизм религиозной практики в Хэйане далеко не ограничивался сферами синтоизма и буддизма. Нельзя упускать из виду и область верований китайского происхождения, среди которых значительное место занимали конфуцианские учения, идеи даосизма и целый ряд суеверий и предрассудков, с ними связанных.

Определенное влияние на формирование моральных ценностей японского общества оказало конфуцианство. Некоторые доктрины конфуцианства были завезены на японские острова еще в древности. Прежде всего, они проявились в области семейных отношений. До XVII в. В Японии не существовало культа традиционной семьи и формализации

---

¹ Накорчевский А.А. Японский буддизм: история людей и идей (от древности к раннему средневековью: магия и эзотерика). СПб., 2004. С. 262.

отношений внутри неё. Однако сплочённость и престиж рода и семьи были достаточно сильны.

Конфуцианские доктрины были направлены на моральное поучение людей. Назидательная сторона касалась соблюдения определённых правил и норм поведения людей в обществе. Это, прежде всего, сыновья почтительность, уважение и великодушное обращение с родителями и родственниками, поддержание мира с соседями, предупреждение ссор и тяжб, поучение сыновей и младших братьев, подчинение жены воле мужа. Эти принципы распространялись на всё общество в целом, они не ограничивались отношением только внутри семьи. Сыновья почтительность распространялась на всю иерархию государства, означая подчинение существующему порядку¹.

Весьма заметно также влияние на поведение японцев религиозных идей даосизма. Главная категория даосизма – «дао» (путь). Она понимается как первопричина материального мира и духовной жизни людей. Каждая вещь, велика ли она или мала, имеет своё «дао», по-своему переживает свой путь и сопричастна Абсолюту. Даосская идея всеобщей связанности вещей и существ сыграла важную роль в возникновении сознания единства с природой, а отсюда – и единения природы и искусства.

В даосизме было выражено особое внимание к внутреннему миру человека. Основным принципом деятельности человека является принцип «увэй» («недеяния»). Даосская идея «недеяния» вместе с буддийским принципом кармы способствовали формированию характерной для человека эпохи Хэйан позиции «невмешательства» в свою судьбу, отказа от попыток активного воздействия на естественный ход событий.

Была воспринята и одна из центральных даосских концепций – концепция двух взаимопроникающих начал «инь–ян» (мужского и женского, светлого и тёмного начал). Вместе с даосизмом японцы

---

¹ Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М., 1975. С. 219-225.

импортировали обширную систему сведений о предзнаменованиях, основанных на взаимодействии «инь–ян», и учения о пяти стихиях. На них в первую очередь основывались гадания и предсказания¹.

В Хэйане существовала специальное Бюро предсказаний, или Департамент «инь–ян», по-своему регулировавший политическую и экономическую деятельность правительства. Департамент определял дни и периоды, благоприятные для тех или иных акций. В результате возникали табу, значительно замедлявшие и без того медленный ритм жизни «города мира и спокойствия». Например, чиновник, назначенный губернатором в отдаленную провинцию, мог несколько месяцев ждать благоприятного дня для выезда на место назначения².

Религия оказала огромное влияние на формирование мировоззрения японцев: во времена Хэйана она пронизывала все сферы бытия человека. Интересно, что религии в Японии не только мирно сосуществуют, но, взаимодействуя, сообща питают религиозное уmonoстроение. В самом деле, в любом учении, если оно направлено на добро, можно найти безусловно ценное: в конфуцианстве выверенные тысячелетиями правила поведения (в семье, обществе, государстве); даосизм учит следовать природе; буддизм – знать психику человека и регулировать поведение; синтоизм дает уроки мудрого отношения к своей земле, предкам, своим богам. Они, считают японцы, охраняют от напастей, даруют силу света³.

Таким образом, период Хэйан имел огромное значение как в истории страны в целом, так и в истории японской культуры. В политической жизни это был период ослабления централизованного государства и перестройки системы политического управления. Дом Фудзивара (его северная ветвь) монополизировала посты регентов – канцлеров при императорском доме, создав систему правления, при которой императоры

---

¹ Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М., 1975. С. 230.

² Моррис А. Мир блистательного принца. Придворная жизнь в древней Японии / Пер. Харитонов Д. М., 2019. С.126.

³ Григорьева Т.П. Красотой Японии Рожденный. М., 1993. С. 30-31.

были лишены практической власти. На этот период приходится новый этап развития японского буддизма, который получил развитие благодаря деятельности монахов Сайтё и Кукай. Примечательным событием этого периода был синкретизм синтоизма и буддизма. В это же время придворная аристократия, полностью усвоив материковую культуру, стала создавать национальную культуру. Дух подражания все более вытесняется стремлением к созданию местных форм в самых различных сферах деятельности. В истории культуры Японии эпоха Хэйан связана с необычайным расцветом искусств, ремесел, науки, эстетизации быта. Этому периоду присущи высокие достижения в области литературы, благодаря появлению японской азбуки. Это позволило заниматься литературным творчеством более широкому кругу людей и вылилось в появление знаменитых произведений периода Хэйан.

Глава 2. Хэйанская аристократия в дневнике Сэй-Сёнагон

2.1. Сэй-Сёнагон и ее «Записки у изголовья»

Сэй-Сёнагон (ок. 966 – 1017) – японская писательница, придворная дама, камеристка юной императрицы Тэйси (Садако). Единственная книга «Записки у изголовья» («Макура но соси») максимально широко раскрыла писательский талант Сэй-Сёнагон. Именно благодаря этой книге в средневековой Японии постепенно обрела популярность эссеистика, ведь созданный Сэй-Сёнагон жанр, реализовавшийся в «Записках у изголовья» именуется «дзуйхицу» (эссе).

Примечательно, что Сэй-Сёнагон – это не имя, а прозвище придворной дамы. В то время было принято давать людям прозвища, при этом настоящие имена в обиходе практически не употреблялись. Сэй представляет собой отличительный инициал перед званием младшего государственного советника – сёнагон. Применительно к женщине подобный титул был лишен фактического содержания, он давался придворным дамам, ранг которых являлся сравнительно низким¹.

О жизни Сэй-Сёнагон практически ничего неизвестно, некоторые факты можно узнать лишь из самой книги писательницы.

Писательница происходила из древнего, но обедневшего рода Киёвара (Киёхара). Ее отец – Мотосукэ – принадлежал к провинциальной чиновничьей аристократии и тоже был известным поэтом и ученым. В шестнадцатилетнем возрасте Сэй-Сёнагон вышла замуж за простого чиновника Татибану Норимицу, но брак их был несчастлив и продлился не долго. Тем не менее, в браке будущая писательница родила сына Татибана-но Норинага.

Данные о втором муже разнятся. Либо это был Фудзивара Мунэё, от которого Сэй-Сёнагон предположительно родила дочь Кома-но Мёбу,

---

¹ Горегляд В.Н. Японская литература VIII-XVI вв. СПб., 2001. С. 147

либо вторым мужем Сэй-Сёнагон был Фудзивара-но Санэката. Доподлинно это неизвестно. Второй брак писательницы тоже был совсем непродолжительным¹.

В 993 г. в тридцатилетнем возрасте состоялось ее поступление на службу к семнадцатилетней императрице Садако. В «Записках у изголовья» Садако, которой присущи тонкий ум, красота, способность к восприятию поэтического, выступает в качестве ключевого персонажа, доброй госпожи. Повествование о Садако пронизывает всю книгу. При этом связь между событиями нарушается, и отследить ее достаточно затруднительно. Многие факты Сэй-Сёнагон умалчивает, однако современники писательницы вполне отчетливо осознавали трагические события, не отраженные в рассказе о недолгом пребывании Садако в статусе императрицы. Спустя непродолжительное время императрица приняла монашеский постриг, и утратила милость супруга, хотя до окончательного разрыва дело и не дошло. Череды бед для Садако на этом не завершилась, в ее дворце произошел пожар, вследствие чего она вынуждена была жить в чужих домах. «Записки у изголовья» повествуют об этом эпизоде весьма подробно. Садако приобретает черты собирательного поэтического образа красоты, которая была отвержена.

Сэй-Сёнагон в этот период также вынуждена была претерпевать гонения. Свита императрицы выдвинула против Сэй-Сёнагон обвинения, что она вступила в сговор с представителями врагов императрицы. Писательница тяжело переживала недоверие, обиды и клевету. Она не могла опереться ни на что, кроме собственного таланта. В 1000 г. Садако скончалась во время родов, оставив после себя троих малолетних детей. После всех этих событий Сэй-Сёнагон приняла решение уйти со службы и постричься в монахини. Последние годы жизни знаменитая писательница провела в одиночестве и бедности².

¹ Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М., 1975. С. 98-99.

² Горегляд В.Н. Японская литература VIII-XVI вв. СПб., 2001. С. 147

В X веке было написано значительное число романов с увлекательными сюжетами, получившие широкое признание у женщин, которые вынуждены были томиться в затворничестве. Сэй-Сёнагон приводит длинный перечень романов (205 дан), большинство которых не сохранились до наших дней. «Записки» содержат эпизод, в котором представлен спор между придворными дамами, объектом которого стал популярный роман «Дуплистое дерево».

Женщины раннесредневекового периода в Японии не только с упоением знакомились с новыми романами, не только оценивали их художественные достоинства, но и сами писали прозаические произведения. Они являются создательницами великолепной хэйанской прозы. Среди них насчитывалось немало превосходных поэтесс. Все жанры хэйанской прозы обязательно включали в себя стихи.

Нельзя не обратить внимание и на поэтический дар Сэй-Сёнагон, писавшей стихотворения в таком жанре, как танка¹. «Записки у изголовья» включают, наряду с пейзажными очерками, зарисовками, наблюдениями, анекдотами, и ряд стихов.

Написание танки было и мужским занятием, поощряемым в обществе и освященным традицией. Художественные прозаические произведения на японском создавались женщинами – мужчина должен был писать на китайском.

Появление значительного числа писательниц было обусловлено в том числе и особыми историческими условиями. В хэйанский период положение женщины являлось близким к тому, которое она занимала в период родового строя, т.е. сравнительно почетными и независимым². Императрицы охотно собирали в своих литературных салонах талантливых женщин из низших, небогатых слоев аристократии. Хорошо

---

¹ Горегляд В.Н. Японская литература VIII-XVI вв. СПб., 2001. С. 149.

² Пасков С.С. Япония в раннее средневековье: VII-XII века. Исторические очерки / Отв. Ред. Г.И. Подпалова. М., 2011. С. 125-126.

начитанные, с тонко развитым эстетическим вкусом, придворные дамы имели больше возможности наблюдать жизнь, чем запертые, по обычаю, в четырех стенах матери семей.

Несмотря на то, что Сэй-Сёнагон сделала выбор в пользу карьеры при дворе, отказавшись от статуса жены и матери, она не вполне вошла в круг придворных знатных дам, которые относились к ней как к выскочке, и проявляли свое негативное отношение в попытках ее оскорбить и унижить. Именно некоторое отчуждение, зоркий взгляд со стороны и помогли ей лучше увидеть комедию двора.

В семье Сэй-Сёнагон жили литературными интересами, любили музыку. Японское поэтическое искусство она изучила, несомненно, глубоко, во всех его тонкостях под руководством своего отца. Образование ее включало и знакомство с классическими китайскими произведениями. Как отмечал В.Н. Горегляд, на Сэй существенно повлияло то, что она развивалась в аристократической среде, обладавшей широкими контактами в литературной среде и обширными культурными традициями, имела четырех братьев, воспитывалась в условиях, когда ее братья упорно осваивали китайскую классику, дискутировали на литературные темы.

В этой связи она получила отличное образование, которое считалось весьма достойным и для мужчин той эпохи. Поэтому она неоднократно удивляла хэйанских придворных тем, что имела великолепное представление о классических китайских литературных трудах¹.

По замечанию Т.П. Григорьевой: «Сколько велики были познания Сёнагон и сколь подвижен ум, если, получив всего лишь ветку сливы с осыпавшимися цветами и с припиской: «Что вы скажите на это?», она дает молниеносный ответ: «Осыпались рано», намекая на китайские стихи,

---

¹ Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М., 1975. С. 98.

которые тут же начинают скандировать окружающие. Император остался доволен...»¹.

Каждая образованная девушка умела в те времена сочинить к случаю танку. Но от дочери Мотосукэ ждали большего: подлинной высокой поэзии. Подобные ожидания со временем значительно ее обременяли. К примеру, согласно эпизоду из дана 99:

«– Как, государыня? – воскликнула я в сильном смущении. – Отныне я никогда не буду писать стихов. Если каждый раз, когда нужно сочинять ответные стихи, вы будете поручать это мне, то, право, не знаю, смогу ли я оставаться на службе у вас. Разумеется, сосчитать слоги в песне – дело нехитрое. Я сумею, коли на то пошло, весною сложить стихи о зиме, а осенью о цветущей сливе. В семье моей было много прославленных поэтов, и сама я слагаю стихи, пожалуй, несколько лучше, чем другие. Люди говорят: «Сегодня Сэй-Сёнагон сочинила прекрасные стихи. Но чему здесь удивляться, ведь она дочь поэта». Беда в том, что настоящего таланта у меня нет. И если б я, слишком возомнив о себе, старалась быть первой в поэтических состязаниях, то лишь покрыла бы позором память моих предков.

Я с полной искренностью открыла свою душу, но государыня только улыбнулась:

– Хорошо, будь по-твоему. Отныне я не стану больше тебя приневоливать.

– От сердца отлегло. Теперь я могу оставить поэзию, – сказала я в ответ.

Когда начали обсуждать стихи участниц поэтического турнира, государыня бросила мне записку. Вот что я прочла в ней:

Дочь Мотосукэ

---

¹ Григорьева Т.П. вступительная статья Следуя кисти // Сэй-Сёнагон. Записки у ихголовья. Камо-но Тёмэ. Записки из кельи. Кэнко-хоси. Записки от скуки. Классическая японская проза XI-XIV веков. М., 1988. С. 9.

Отчего осталась ты
 В стороне т всех?
 Неужели лишь к тебе
 Вдохновенье не придет?

Стихотворенье показалось мне превосходным, и я засмеялась от радости.

– Что такое? В чем дело? – любопытствовал господин министр.

Я сказала ему в ответ:

О, если бы меня
 Наследницей великого поэта
 Не прозвала молва,
 Тогда бы я, наверно, первой
 Стихи сложила в эту ночь»¹.

По-настоящему мы знаем о Сэй-Сёнагон только то, что она вольно или невольно рассказала в своих записках о самой себе.

Как отмечала Сэй-Сёнагон, внешность ее нельзя было назвать выдающейся. Так, на рисунке, представленном в одной из антологий, она сидит, держа в руках веер, при этом лицо писательницы не изображено. Отсутствие броской внешности с лихвой перекрывалось ее выдающимися способностями – она была первой в поэтических играх, в состязаниях на быстроту ума, о чем не прочь была упомянуть.

Сёнагон стремится продемонстрировать пренебрежение к тем, кто ниже ее по социальному статусу, стремится отгородиться от всего простонародного. Она хочет казаться тем, чем никогда не была, – придворной дамой высокого ранга, – но на каждом шагу терпит унижения.

Колючая, ироничная, честолюбивая, Сэй-Сёнагон нажила себе много врагов и страдала от этого, она впечатлительна и ранима: «Странная вещь – сердце, как легко его взволновать!»¹.

---

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 138-139.

Главными в ней были стремление к жизненным впечатлениям и острая наблюдательность. Она сама высказывала удивление тому, насколько она любопытна. Дневник свидетельствует, что писательница пребывала в постоянном поиске индивидуальности, пыталась выделиться в кругу ограниченности, самостоятельно управлять собственной судьбой. Она приветствует все своеобразное, непривычное в быту и в природе.

Книга «Записки у изголовья» была написана в начале XI века.

Как отмечает сам автор, «Эту книгу замет обо всем, что прошло перед моими глазами и волновало мое сердце, я написала в тишине и уединении своего дома, где, как я думала, никто ее никогда не увидит. Кое-что в ней сказано уж слишком откровенно и может, к сожалению, причинить обиду людям... Только и могу сказать: жаль, что моя книга увидела свет»².

Решение написать книгу, по словам самой писательницы родилось спонтанно: «Я получила в дар целую гору превосходной бумаги... и я писала на ней пока не извела последний листок, о том и о сем – словом обо всем на свете, иногда даже о совершенных пустяках»³.

Свои размышления, личные переживания, интересные наблюдения Сэй-Сёнагон записывала в виде небольших фрагментов (данов). Отрывки различны по стилю, по теме, неодинаковы по величине, лишены четкой фабульной или хронологической связи и делятся на «даны описательные (описание природы, дворцовой жизни), даны повествовательные (некоторые из них представляют собой вполне законченные новеллы) и, наконец, даны перечислительные, – в них упоминаются различные предметы, явления и события, которые вызывают те или иные чувства, эмоции и обычно имеют соответствующие названия: «То, что приятно», «То, что неприятно», «То, что приятно волнует» и так далее...».

---

¹ Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М., 1975. С. 99.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 349-350.

³ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 349

Чтобы история была поучительной и в то же время созерцательной, она должна была восприниматься как философско-литературное произведение, насыщенное описанием красот природы, ярких и неповторимых ритуалов и обычаев японской культуры, философско-лирических отступлений, в которых заложены мировоззренческие основы духовной культуры японцев.

При этом история, отраженная в мемуарном творчестве, преподносилась не как свод простых фактов, а как симбиоз «высокой» литературы, «сухой» истории и созерцательной философии, что и привело к созданию такого жанра как дзуйхицу («вслед за кистью»). В этом жанре отсутствует любая система. Под влиянием момента автор заносит на бумагу все, что приходит к нему в голову¹.

Мировоззрение Сэй-Сёнагон было уникальным для ее эпохи, ведь она сумела совместить прочно укоренившиеся в обществе стереотипы, и при этом дать свою собственную оценку историческим реалиям и общественным взглядам своего времени.

Немалую роль в формировании и трансформации взглядов Сэй-Сёнагон сыграла критика.

Критика была неумолима – книгу Сэй-Сёнагон не понимали и не принимали ее современники. Не поддерживали писательницу ни читатели, ни коллеги по цеху.

При этом современниками смелый художественный эксперимент Сэй-Сёнагон был воспринят скептически: ««Записки у изголовья» подвергались осуждению как произведение, не только не воспитывающее поэтических чувств, но, наоборот, приучающее видеть оборотную сторону вещей, насаждающее иронию и скептицизм»².

¹ Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М., 1975. С. 102-103.

² Пинус Е.М., Мелетинский Е.М. Литература IX-XII вв.: [Японская литература] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М., Т.2. 1983. С. 182.

Так, например, коллега по перу Сэй-Сёнагон – Мурасаки-сикибу весьма нелестно отзывалась о книге и ее авторе: «С умным видом марает она бумагу иероглифами, но если взглядеться повнимательнее, то ее писанина очень далека от совершенства»¹.

При этом, как отмечают Е.М. Пинус и Е.М. Мелетинский, книга Сэй-Сёнагон обрела популярность лишь в самом конце хэйанского периода, тогда, как увидела свет знаменитая книга Камо-но Тёмэя – «Записки из кельи» (1185)².

Современные исследователи высоко ценят художественную красоту и утонченность книги: ««Записки...» Сэй-Сёнагон характеризует безупречное изящество формы, но для них характерен решительный отказ писательницы от привычного для хэйанцев стремления искать в каждой вещи ее – пусть грустное – «очарование»»³.

Исследователь М.В. Шабаева называет книгу «одним из величайших произведений японской литературы»⁴, а В.Н. Горегляд отмечает, что эта книга является «наиболее полным и детализированным источником фактического материала о жизни Японии»⁵ эпохи Хэйан.

М.В. Гришин называет Сэй-Сёнагон «создательницей одного из самых выдающихся произведений хэйанской литературы»⁶.

Таким образом, проанализировав как критику современников Сэй-Сёнагон, так и мнения современных исследователей, можно отметить, что

¹ Мещеряков А.Н. Герои, творцы и хранители японской старины. М., 1988. С. 143.

² Пинус Е.М., Мелетинский Е.М. Литература IX-XII вв.: [Японская литература] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М., Т.2. 1983. С. 182.

³ Пинус Е.М., Мелетинский Е.М. Литература IX-XII вв.: [Японская литература] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М., Т.2. 1983. С. 181.

⁴ Шабаева М.В. Дневниковая проза как исторический источник о средневековом обществе Японии // Вестник науки Сибири. 2014. №2(12). С. 222.

⁵ Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М., 1975. С. 31.

⁶ Гришин М.В. Эстетизм в японской культуре // Художественная культура. 2012. №4(5). С. 5.

творческие искания Сэй-Сёнагон вызывали как строгую критику и непонимание, так и признание современных исследователей и критиков.

2.2. Времяпрепровождение хэйанской знати

В «Записках у изголовья» представлены парадная и будничная стороны придворного быта, в том числе все основные обычаи, праздники и церемонии. Источник дает возможность изучить представителя аристократического общества Хэйана, его отношение к жизни, мировоззрение, мир его чувств.

По характеру и содержанию хэйанская духовная культура – аристократическая. Культура создавалась знатью и для знати, отражала ее жизнь и мировоззрение¹. Количество близких ко двору семей аристократов было ограниченным, и не превышало двадцати. Вокруг них сосредотачивались другие, менее знатные семьи. Столичная аристократия вращалась в свою очередь, вокруг императорского дворца, являвшегося центром культуры и искусства данной эпохи. Покои императорского дворца были украшены произведениями ведущих художников, там собирались выдающиеся музыканты и поэты.

В хэйанской Японии центром и местом проведения всех праздников и пиршеств являлся императорский дворец, так как именно на службе при императоре или императрице состояла вся знать столицы, которая по сути и занималась устройством этих праздников. Подготовка к их проведению была весьма продолжительной и кропотливой. Проводились тренировки перед соревнованиями, дома и кареты украшались ко дню праздника, приобретались новые наряды. Аристократы, являвшиеся распорядителями на подобных праздниках, музыкантами или исполнителями ритуальных

---

¹ Пасков С.С. Япония в раннее Средневековье VII-XII века. Исторические очерки. М., 2011. С. 119.

танцев, пользовались особым почетом, поскольку подобная честь оказывалась лишь избранным.

Сэй-Сёнагон описывает в дневнике церемонии и праздники, являвшиеся наиболее популярными и торжественными.

В начале дневника она повествует о новогодних праздниках и церемониях: «Все люди до одного в праздничных одеждах, торжественно, с просветленным сердцем, поздравляют своего государя, желают счастья друг другу. Великолепное зрелище!

В седьмой день года собирают на проталинах побеги молодых трав... В этот день знатные дамы столицы приезжают во дворец в нарядно украшенных экипажах поглядеть на шествие «Белых коней». Вот один из экипажей вкатили через Срединные ворота. Повозку выбросило на пороге. Женщины стучаются головами. Гребни из волос падают, ломаются... Слышен веселый смех. ...На восьмой день Нового года царит большое оживление. Слышен громкий стук экипажей: дамы торопятся выразить свою благодарность государю»¹.

На седьмой день от начала года дворец становился местом проведения магических ритуалов – шествия белых коней и праздника молодых трав. Травы семи видов (хвощ, пастушья сумка, петрушка и иные) отваривались с рисом и должны были подноситься государю. Данное блюдо рассматривалось как магическое, способное отогнать злых духов, несущих болезни, и тот, кто его попробовал, на год получал защиту от них. Кони, в соответствии с древними верованиями, наделялись в представлениях японцев магическими защитными силами. В этой связи ритуал включал проведение белых коней перед государем. Количество коней – три по семь – также обладало магическим значением. Телохранители должны были вооружаться луками, одеваться в парадные одежды, и белить лица в соответствии с обычаем, существовавшим при дворе. Восьмой день был днем одаривания придворных дам подарками от

---

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 6-7.

государя. Придворные фрейлины получали в этот день от императора более высокие ранги¹.

Фактически, празднования Нового года не ограничивались его первым днем и были связаны с поверьем о том, что новогодние обряды проецируют судьбу на весь год. Эти праздники были самыми продолжительными среди всех, и празднование растягивалось, как бы на весь год. Многие церемонии превращались в отдельные праздники, но хэйанские японцы связывали их с празднованием Нового года.

Еще один праздник, который описывает Сэй-Сёнагон, отмечался в пятнадцатый день Нового года. В этот день император, согласно обычаю, получал от подданных «Яство полнолуния»: «В знатных домах все прислужницы - и старшие, почтенные дамы, и молодые, - пряча за спиной мешалку для праздничного яства, стараются хлюпнуть друг друга, посматривая через плечо, как бы самой не попало. Вид у них потешный! Вдруг хлоп! Кто-то не уберется, всеобщее веселье! Но ротозейка, понятное дело, досадует»². Данный предмет рассматривался как магический. Существовало предание, проистекающее еще из фаллического культа, что если женщина получала удар подобной мешалкой, она обязательно рожала мальчика.

Дату Праздника хризантем – пятого, завершающего праздничный цикл, сезонного праздника – определяли по девятому дню девятой луны. Его праздновали и в семейном кругу, и при императорском дворе. Хризантема рассматривалась в качестве символа долголетия. Дата праздника соответствует периоду, когда собирается урожай риса, и в этой связи с праздником связывают разнообразные приметы и обряды, к примеру: «Если в девятый день девятой луны к утру пойдет легкий дождь, хлопья ваты на хризантемах пропитаются благоуханной влагой, и аромат

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 6-7.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 8.

цветов станет от этого еще сильнее»¹. Для того, чтобы собрать росу с растений, хризантемы с вечера покрывались ватой. Обтирание данными хлопьями, как полагали японцы, способствовало возвращению молодости, исчезновению болезней и отдалению старости. Данные праздники японцы заимствовали из традиции китайцев, однако в окончательном виде они сформировались уже в Японии.

Таким образом, новогодние ритуалы и церемонии характеризовались значительным разнообразием, а продолжительность празднования составляла несколько дней. Каждая церемония завершалась пиршеством. Как мы видим, церемонии и процессии при императорском дворе проходили очень шумно, бурно и были строго регламентированы, как правило, посещались знатью в обязательном порядке.

В дневнике часто встречаются упоминания о торжественных праздниках при синтоистском храме Камо с двумя святилищами, расположенном к северу от столицы: «Прекрасна пора четвертой луны во время празднества Камо. Парадные кафтаны знатнейших сановников, высших придворных различаются между собой лишь по оттенку пурпура, более тёмному или более светлому. Нижние одежды у всех из белого шелка-сырца. Так и веет прохладой! ...Молодые девушки - участницы торжественного шествия - уже успели вымыть и причесать волосы, но еще не сбросили свои измятые, изношенные платья. У иных одежда в полном беспорядке. Они то и дело тревожно кричат «у сандалий не хватает завязок!», «Нужны новые подметки к башмакам!» - и хлопотливо бегают, вне себя от нетерпения: да скоро ли наступит долгожданный день? Но вот всё готово! Непоседы, которые обычно ходят вприпрыжку, теперь выступают медленно и важно, словно бонза во главе торжественного шествия. Так преобразил девушек праздничный наряд!»². Праздник справлялся очень пышно, при большом стечении зрителей. Из дворца в

---

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 18.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 10-11.

храм Камо отправлялось торжественное шествие во главе с императорским посланцем.

Посещения храмов, коих было немало в окрестностях столицы, также превращались в роскошные церемонии, а по разным поводам устраиваемые молебствия выливались в великолепные празднества с приглашенными лучшими танцорами и музыкантами: «Что может быть великолепней храмовых празднеств Камо и Ивасимидзу? Даже репетиция священных плясок во дворце – прекрасное зрелище!»¹. Такое внимание к внешней стороне ритуалов еще более способствовало развитию всех областей искусства.

В «Записках» также можно найти упоминания о назначениях на должность, которые сопровождаются определенными ритуалами, как, например, пишет автор: «Я люблю глядеть, как чиновники, вновь назначенные на должность, выражают свою радостную благодарность. Распустив по полу длинные шлейфы, с таблицами в руках, они почтительно стоят перед императором. Потом с большим усердием исполняют церемониальный танец и отбивают поклоны»².

Помимо традиционных праздников, отмечающихся всей придворной знатью, существовали более обыденные развлечения. Хэйанская аристократия занимала свое свободное время различными конкурсами, состязаниями – как физическими, так и более эстетическими.

Среди хэйанской аристократии были популярны всевозможные физические состязания по стрельбе из лука или игра в ножной мяч. Участие в подобных развлечениях принимали мужчины. Женщины же в свою очередь, должны были поддерживать какую-либо из команд, сочинять в честь победителей стихи, приготавливать подарки.

«Когда мы проезжали мимо конного ристалища Левого гвардии, то заметили там шумную толпу людей.

---

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 189.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 18.

— Что происходит? — спросили мы.

— Состязание в стрельбе, — ответили слуги. — Всадники стреляют в цель. Не хотите ли поглядеть? — И мы остановили экипаж»¹. У участников тоже в свою очередь были определенные обязанности, к примеру, победители должны исполнить танец. Чтобы праздник продолжался, такие соревнования могли устраивать несколько раз подряд.

Молодые люди из семей аристократии развлекались тем, что рассматривали эмакимоно – свитки, которые, как правило содержали изображения сцен из популярных романов. При этом текст был написан на цветной бумаге каллиграфическим почерком. В дане «То, что радует сердце», Сей Сёнагон отмечает «прекрасное изображение женщины на свитке в сопровождении многих искусно написанных слов»².

В осенний период, когда вечера становились дольше, организовывались разнообразные игры. Наибольшей популярностью пользовались игры в го и сугороку.

Фрейлины также могли составлять цветочные композиции, вышивать, шить. Об этом пишет Сёнагон: «Однажды госпожа Миарэ-но сэдзи изготовила в подарок императору несколько очень красивых кукол наподобие придворных пажей»³. Далее композиции снабжались стихами, и их отправляли как подарок другой придворной даме, кому-либо из соседей, или государю.

К числу развлечений относились и выезды из столицы. Участие в приятных поездках императорских персон и членов рода Фудзивара было и честью, и обязанностью, а также поводом для получения удовольствия и возможность продемонстрировать элегантный внешний вид и таланты. «Чтобы посетить храм или полюбоваться красивым видом, дамы, примерно одного и того же звания, отправились вместе из дворца, где они

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 130.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 39.

³ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 224.

служат. Дамы не наряжались в лучшие платья: осторожность не мешает в дороге. Но края их одежд красивыми волнами выбегают из-под занавесок экипажа. Увы, восхищаться некому! Никто из знатных людей не встречается на дороге, ни на коне, ни в экипаже. Какая досада!»¹. Также знатные люди путешествовали по морю на кораблях и лодках. «Помню, я однажды путешествовала в такой лодке. Домик на ней был очень красиво устроен: двери с двумя створками, ситоми поднимались. ...Когда же мы наконец вернулись в нашу гавань, на всех лодках зажгли огни, — зрелище необычайной красоты!»².

Однако наиболее популярное занятие аристократов состояло в сочинении стихов. Поэзия выполняла и значимую социальную функцию, представляя собой обязательный элемент ритуала и быта при дворе. Все подношения должны были сопровождаться стихами, влюбленные и друзья писали друг другу танки. Этим умением должен был обладать каждый придворный аристократ.

«Записки у изголовья», безусловно, могут служить доказательством этого. Стихи или упоминание о них можно найти практически на каждой странице книги: они неотъемлемая часть не только придворной жизни, но и жизни вообще каждого аристократа.

Удачное пятистишие могло обеспечить получение высокого чина, прощения за поступок, а неудачное привести к утрате репутации. Успехи в стихосложении зачастую обеспечивали успехи и в служебных делах, и в любовных отношениях.

Хэйанская аристократия славилась своим отличным знанием произведений как китайских мыслителей, так и своих собственных японских писателей: «Иногда хор голосов начинает скандировать китайские стихи или декламирует нараспев японские танки»³.

---

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 128.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 333.

³ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 86.

Ни одно придворное празднество не обходится без сложения танка, не говоря уже о специальных поэтических турнирах, в которых поэты постоянно оттачивают свое мастерство.

Высоко ценилось умение быстро и в надлежащей форме (в духе «аварэ») откликнуться на эстетический сигнал: «В царствование императора Мураками однажды выпало много снега. По приказу государя насыпали снег горкой на поднос, а сверху воткнули ветку цветущей сливы. В небе ярко сияла луна. — Прочти нам стихи, подходящие к этому случаю, повелел император даме-куродо Хёэ. — Любопытно, что ты выберешь. Снег, и луна, и цветы... продекламировала она, к большому удовольствию государя»¹. Этим объясняются возросшая роль поэтического экспромта и культ лирической миниатюры танка.

По мнению писательницы, именно поэзия является мерилom истинного таланта: «Достойны зависти придворные дамы, которые пишут изящным почерком и умеют сочинять хорошие стихи: по любому поводу их выдвигают на первое место»². Важно было не только хорошо слагать стихи, но и владеть искусством красивого письма. Почерк служил важной характеристикой человека из высшего общества. Показателен случай со смотрителем строительных работ во дворце: «Нобуцунэ торопливо скрылся. — У него невозможный почерк, — стали говорить о нем, когда он покинул комнату. — Хоть китайские иероглифы, хоть японское письмо, все выглядит ужасно. Над его каракулями всегда посмеиваются. Вот и пришлось ему бежать...»³. Отсутствие красивого почерка могло стать поводом для постоянных нападок и насмешек и существенно осложнить жизнь аристократа.

Когда речь шла о письмах, обычно отмечали не только почерк и стиль, но также качество, цвет бумаги и благовония, которыми она была

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 223-224.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 211.

³ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 143.

пропитана: «Дворцовый слуга принес мне от господина То-но бэна Юкинари подарок, обернутый в белую бумагу и украшенный великолепной веткой цветущей сливы... Было там и письмо, сочиненное в стиле официального документа... Почерк был в высшей степени изящен. Я показала это послание государыне. — Искусная рука! Очень красиво написано, — с похвалой заметила государыня и взяла письмо, чтобы проглядеть его»¹.

Значительное внимание при дворе уделялось музицированию, поскольку умение слушать музыку, понимать ее являлось недостаточным. Всем аристократам, любого пола, необходимо было уметь самостоятельно музицировать. При этом на музыкальных инструментах играли как на празднествах при дворе, так и в домашней обстановке.

Повествуя о концерте в покоях государыни, Сэй-Сэнагон перечисляет инструменты старинной музыки гагаку: лютня, цитра, флейта и многоствольная флейта. Исполнявшаяся при дворе музыка имела индийские, китайские и корейские корни, и дополнялась японскими напевами. Исполнение сопровождалось выступлением хора, певцов, танцоров.

Следует отметить значимую роль танцев в воспитании благородных людей той эпохи. Почти ни один праздник, церемония или ритуал, а также многие частные собрания не обходились без исполнения танцев. Существовало множество танцев: народные, приспособленные для исполнения в высшем обществе, танцы, связанные с синтоистскими ритуалами, как например, кагура, который исполнялся, на празднике Камо, танцы в честь назначения на должность: «Когда танцоры пляшут под звуки песни и гулкими ударами ног заставляют гудеть доски моста перед храмом, — новое очарование!»².

---

¹ Сэй-Сэнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 176-177.

² Сэй-Сэнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 192.

Живя в своем ограниченном мире, аристократы довели до очень высокого уровня свои творческие способности. Будучи свободными от дел по управлению страной, обладая избытком времени для удовлетворения своих вкусов, они создали во многих отношениях неповторимую для будущих поколений культуру.

2.3. Отношение хэйанских аристократов к религии

В хэйанский период религиозная принадлежность японцев преимущественно была двойственной. Японцы одновременно исповедовали и буддизм, который был заимствован с континента, и синтоизм. Один и тот же человек, в зависимости от ситуации, посещал либо синтоистское святилище, либо буддийский храм. Однако вера для большинства хэйанцев не означала следование какому-то определённом и строго систематическому вероучению. Буддизм, пришедший в Японию из Индии через Китай, не был однородным, но различные его направления не воспринимались верующими как противоборствующие. Национальная религия синто с её пантеоном природных божеств и духов предков также не мыслилась как альтернатива буддизму, мирно с ним уживаясь.

Буддийские службы, обряды и церемонии охватывали все стороны жизни средневекового японца. Рождение, смерть, поминание усопших, стихийные бедствия, плохая погода, всякое начинание в делах и еще многие другие события сопровождалось отправлением служб в буддийских храмах и всевозможными обрядами¹.

Сэй-Сёнагон слушает в храмах и домах придворных толкования сутр, совершает паломничества в храмы, она с благоговением наблюдает за буддийскими обрядами.

---

¹ Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М., 1975. С. 188-190.

«Однажды, когда императрица изволила временно пребывать в своей канцелярии, там, в Западном зале, были устроены «Непрерывные чтения сутр». Все происходило, как обычно: собралось несколько монахов, повесили изображения Будды...»¹.

«...В пору первой луны я уединяюсь в храме для молитвы... Однажды я отправилась в храм Киёмидзу...»².

«В двадцать четвертый день двенадцатой луны щедротами императрицы состоялось празднество Поминовения святых имен Будды. Прослушав первую полуночную службу, когда сутры читал главный священник клира, некие бывшие там люди - и я вместе с ними - глубокой ночью поехали домой»³.

В хэйанском обществе большое распространение получило толкование восьми свитков «Лotosовой сутры», посвященных карме. «Восьмичастные чтения» производились либо в храмах, либо в частных домах хэйанской аристократии. Каждый месяц в течение четырех дней утром и вечером проходило чтение этой сутры в форме вопросов и ответов, а также разъяснений, которые давал сведущий монах в случае каких-либо затруднений. Каждый раз толковалась одна из восьми частей сутры⁴. Если проповедник был достаточно опытным, слушатели к концу четвертого дня приходили в состояние религиозного благочестия и готовы были отказаться от мирских удовольствий во имя спасения. Такой случай описан в «Записках у изголовья»:

«Когда я удалилась от мира в храм Бодхи, чтобы слушать там «Восемь поучений», укрепляющих веру, пришел посланный из одного дружеского мне дома с просьбой: «Вернитесь скорее, без вас тоскливо».

В ответ я написала на листе бумажного лотоса:

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 100.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 160.

³ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 329.

⁴ Лепехов С.Ю., Лепехова Е.С. Мир буддийских идей и монашество в классической японской литературе. Улан-Удэ., 2013. С. 336-338.

Напрасен ваш призыв!
Могу ли я покинуть лотос,
Обрызганный росой?
Могу ли возвратиться снова
В мир дольней суеты?

Светлые слова поистине глубоко проникли в мою душу, и мне захотелось навеки остаться в обители. Я позабыла, с каким нетерпением ждут меня в миру родные и близкие»¹.

«Лотосовая сутра» читалась во время различных очистительных обрядов. Ее также было принято переписывать ради исполнения различных обетов.

Умение правильно читать сутры считалось столь же обязательным, как и декламировать китайские стихи. Так, Сэй-Сёнагон признается, что у нее вызывают восхищение те люди, которые «бегло и без труда читают по памяти Святое Писание».

Помимо буддийских святых японцы верили в ками – вездесущих духов, которые были повсюду (духи горы, реки, дороги, роши и т.д). Чтобы поблагодарить либо задобрить ками, японцы подносили им всевозможные дары. Однако, кроме добрых ками существовало множество злых. Чтобы отвратить злых духов, нередко приходилось обращаться к чарам, заклинаниям, различным формам колдовства: «Гадатель, превосходно владеющий своим искусством, возглашает на берегу реки заклятия против злых чар»².

Для очищения от скверны столичные аристократы предавались религиозным затворничествам, «удалениям» и очистительным обрядам. В эти дни не покидали свой дом, не принимали гостей и писем, воздерживались от увеселений, не ели мяса, чтобы появиться перед богами «чистым от скверны» или чтобы избежать беды. Ярлычок с надписью

---

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 44.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 40.

«День удаления» прикреплялся у мужчины к шапке, у женщины к волосам или к рукаву в знак того, что к ним нельзя приближаться¹.

«Однажды вечером То-но бэн Юкинари посетил апартаменты императрицы и до поздней ночи беседовал со мною. — Завтра у императора День удаления от скверны и я тоже должен безвыходно оставаться во дворце. Нехорошо, если я появлюсь там уже за полночь, в час Быка, — с этими словами он покинул меня»². Когда объявлялось "удаление" у самого императора, люди, испытывавшие крайнюю необходимость в свидании с ним, проникали во дворец накануне вечером, чтобы иметь возможность аудиенции на следующее утро.

Однако, при всем разнообразии внешнего проявления благочестия или участия в обрядовой стороне религиозной жизни, можно установить некоторые стандартные типы отношения к буддийским службам.

В период Хэйан важное значение придавалось эстетическим аспектам буддизма. Значительное место описаний религиозных обрядов и церемоний занимает их зрелищная сторона и вообще всё то, что имеет отношение к искусству. В домах знати часто устраивались чтения сутр, но они воспринимались в большей степени как светское собрание, где можно было показать себя: «На них были шаровары из переливчатого лилового шелка и тончайшие кафтаны, а сквозь шелка просвечивали легкие исподние одежды цвета бледной лазури. Самые молодые щеголяли в одежде прохладных тонов: шаровары с синевато-стальным отливом поверх исподних белых. Государственный советник Сукэмаса вырядился как молоденький, что не соответствовало святости обряда и вызывало невольную улыбку»³.

Столичные знатные люди совершали паломничества в храмы ближние к столице, и дальние. Для путешествия следовало переодеться в

¹ Мещеряков А.Н. Древняя Япония: Буддизм и синтоизм. М., 1987. С. 70-74.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 179.

³ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 45.

простую одежду и на время отказаться от многих светских привычек. Впрочем, Сэй-Сёнагон передает слова одного из придворных: «Глупый обычай! Почему бы не нарядиться достойным образом, отправляясь в святые места? Да разве божество, обитающее на горе Митакэ, повелело: "Являйтесь ко мне в скверных обносках?"»¹. Проанализировав источник, создается впечатление, что религиозные обряды в Хэйан ценятся в основном за внешнюю красоту, а смысл их мало кого интересует.

Во многом светским мероприятием было и посещение храмов и святилищ, где, например, молодые люди стремились увидеть дам, обычно скрытых от их глаз: «Не успеют молящиеся вознести хвалу Будде и отбить поклоны, как эти господа с шумом встают и торопятся выйти первыми, поглядывая в ту сторону, где стоят экипажи дам. Воображаю, о чем тогда толкуют между собой приятели!»². Даже в монастырях юноши не теряли интереса к противоположному полу.

Неудивительно, что и для аристократов религия во многом превратилась в обыденность: вот что пишет Сэй-Сёнагон в дане «То, к чему постепенно теряешь рвение»: «Каждодневные труды во время поста... Долгое уединение в храме»³.

О суетности устремлений аристократов говорит и отрывок из «Записок у изголовья», где бывший придворный чиновник посещает храм от скуки: «И все же отставной придворный, верно, тоскует в душе, вспоминая прежние дни. Ему кажется, что он не у дела. От скуки заглянет в храм, послушает проповедь раз-другой, и вот его уже все время тянет туда»⁴.

Религиозный же путь - монашество или отшельничество - скорее, ассоциировался с лишениями и страданиями: «Отдать своего любимого сына в монахи, как это горестно для сердца! Люди будут смотреть на него

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 158.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 43.

³ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 34.

⁴ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 42.

словно на бесчувственную деревяшку. Монах ест невкусную постную пищу, он терпит голод, недосыпает»¹. Несмотря на критическое отношение к «бытовой жизни» священнослужителей, в аристократической среде в течение всего периода Хэйан был распространен уход в монастырь. В знатных домах отдавали сыновей в буддийские монахи «ради спасения души». Считалось, что родителям монаха и всему их потомству обеспечено райское блаженство вплоть до седьмого поколения².

Так, к монахам и монашеской жизни аристократы относились с изрядным скепсисом. Сэй-Сёнагон ужасают манеры «Святого мудреца», а проповедник только тогда хорош, когда он «благообразен лицом. Когда глядишь на него, не отводя глаз, лучше постигаешь святость поучения. А будешь смотреть по сторонам, мысли невольно разбегутся. Уродливый вероучитель, думается мне, вводит нас в грех»³. Все в жизни, включая буддийское вероучение, приемлемо только в том случае, если оно может быть введено в эстетический ряд.

Итак, мы видим, что средний хэйанский аристократ весьма поверхностно воспринимал религию, в частности буддизм и его нравственные предписания. Довольно немного можно найти в дневнике эпохи Хэйан нравоучительного. Разумеется, у автора присутствуют рассуждения о дурном и хорошем, но эти высказывания носят больше личный, субъективный, ситуативный характер, и не претендуют на фундаментальность. Например, Сэй-Сёнагон сама страдавшая от сплетен, пишет следующее: «Завидовать другим, жаловаться на свою участь, приставать с расспросами по любому пустяку, а если человек не пойдет на откровенность, из злобы очернить его; краем уха услышать любопытную новость и потом рассказывать направо и налево с таким видом, будто посвящен во все подробности, — как это мерзко!»⁴.

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 12.

² Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М., 1975. С. 187-188.

³ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 41.

⁴ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 36.

У Сэй-Сёнагон примечателен дан о сострадании: «Сострадание — вот самое драгоценное свойство человеческой души. Это прежде всего относится к мужчинам, но верно и для женщин. Скажешь тому, у кого неприятности: «Сочувствую от души!» — или: «Разделяю ваше горе!» — тому, кого постигла утрата... Много ли значат эти слова? Они не идут из самой глубины сердца, но все же люди в беде рады их услышать»¹.

Таким образом, «Записки у изголовья» частично реконструируют духовную культуру эпохи Хэйан, отношение к жизни, мировоззрение и психологический склад придворной аристократии. Хэйанская знать весьма специфическим образом восприняла буддизм. Сплавив его в своем сознании с синто, сконцентрировав внимание не на нравственных принципах, а на внешних проявлениях, обрядовости, она переработала буддизм в соответствии со своими предпочтениями.

2.4. Культ красоты. Эстетизация окружающего пространства

Эпоха политической и культурной гегемонии родовой аристократии, наряду со своей особой экономикой, социальной структурой и государственной формой, отличается и совершенно своеобразным типом мировоззрения. Если в предыдущую эпоху, как отмечает Н.И. Конрад, основной пружиной психической деятельности была мифологическая апперцепция, в этот период такой пружиной являлась апперцепция эстетическая, под знаком которой проходит вся деятельность в этой области. В силу этого весь уклад мировоззрения того времени можно обозначить как эстетический².

Н.И. Конрад, рассматривая причины образования подобного мировоззрения, говорит о религиозном синкретизме, сложившемся к тому времени в Японии. Речь, прежде всего, идет о китайском влиянии

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 285.

² Конрад Н.И. Очерки японской литературы. М., 1973. С. 31.

(даосизм, конфуцианство, буддизм), которое отчасти видоизменило прежний уклад синтоистского мировоззрения, а отчасти пополнило его новыми идеями.

Нормативное мышление в ту эпоху, по мнению Конрада, нашло свое выражение главным образом в гедонизме, основой которого был «наивный оптимизм», характеризовавший собой общее самочувствие японцев в мифологическую эпоху; оптимизм, обусловленный, как думают, общими благоприятными условиями существования, способствовавшими отращению от всего ужасного, страшного, неприятного и обращению к светлому, чистому, радостному. На почве «наивного оптимизма» пышно расцвели семена даосского гедонизма и мистицизма, подкрепленные отчасти и буддизмом, эстетические и чувственные элементы которого усиленно культивировались в хэйанском обществе.

Однако магия и гедонизм оказались весьма ограниченными в своем применении, поскольку были восприняты японцами не в полной мере. Окультурные воззрения служили целям «осложненного» эстетического восприятия, эстетические эмоции – целям более красочного переживания, поэтому японцы тех времен никогда не достигали вершин даосской мудрости, глубин буддийской религиозности; они скользили по поверхности того и другого, выбирая и воспринимая только то, что совпадало с их исконным «наивным оптимизмом». Единственное, что они смогли проделать, это первобытное чувство радости жизни превратить в утонченную «эстетику жизни». Развившаяся культура, могущественное влияние китайской художественной литературы и весь жизненный уклад аристократии не могли, конечно, оставить эту примитивную жизнерадостность в ее прежнем виде и заменили ее утонченными эмоциями эстетического порядка¹.

Под знаком этого эстетизма проходило и все мышление хэйанцев и особенно ярко – вся их деятельность, в том числе и литература. Эстетизм

---

¹ Конрад Н.И. Очерки японской литературы. М., 1973. С. 31-34.

был поистине основной пружиной всех представлений, всей психической жизни господствующего сословия Хэйан. Поэтому-то все мировоззрение этой аристократической эпохи и можно охарактеризовать как эстетическое.

Сэй-Сёнагон в «Записках у изголовья» дифференцирует разные типы красоты и говорит в своей книге о красоте возвышенной, вызывающей священный трепет, о красоте утонченно-изящной, о печальной красоте, о необычайной, оригинальной красоте, о красоте, которую можно назвать заурядной, и т.д. Обычно эти оценочные слова эмоционально окрашены и замыкают собой живописное полотно, создаваемое Сэй-Сёнагон.

Высший род гармонической красоты – моно-но аварэ («печальное очарование вещей»). Он вызывает глубокое лирическое чувство, окрашенное печалью. С ним тесно связано философское раздумье о непрочности бытия. Влияние китайской поэзии здесь особенно заметно¹.

Н.И. Конрад понимает моно-но аварэ в более широком смысле (опуская первое слово в определении «печальное очарование вещей») – как некую эстетическую ценность, особую красоту, которую хэйанцы искали в каждой вещи, при этом бессознательно стремясь к наслаждению: здесь опять же, по мнению Конрада, имеют место гедонистические тенденции. И они были сопряжены с одним очень важным фактором. Чем бы не наслаждались хэйанцы: женщинами ли, природой ли, деталями ли быта, они никогда не подходили к наслаждению прямо, непосредственно; никогда не стремились брать все таким, как оно есть само по себе. Они верили, что в каждом предмете, в каждом явлении, живет присущее именно им особенное очарование. Иногда оно само бросается в глаза, явно и наглядно, но большей частью оно скрыто, его нужно найти. И, во всяком случае, даже в наиболее явном очаровании всегда таится особая скрытая часть, которая именно и представляет собой самую подлинную эстетическую ценность вещи или явления. Исходя из такой предпосылки,

---

¹ Григорьева Т.П. Красотой Японии рожденный. М., 1993. С. 72.

хэйанцы считали, что человеку, если он не варвар, не простолюдин, но образованный, утонченный представитель их среды, надлежит заниматься именно таким отыскиванием и раскрытием этих красот¹.

Как отмечает Ю.А. Шуплецова: «Несомненно, самое первое, в чем жители страны Восходящего солнца ищут красоту – это природа, интерес к которой лежит в основе религии синто, не преобразующей, не подавляющей, а старающейся сотрудничать, взаимодействовать с природой, сохраняя ее первозданность»².

Сэй-Сёнагон на протяжении всей книги воспеваает красоту природы – как высшую степень прекрасного.

Роль пейзажа в данном художественном произведении сложно переоценить: это не столько фон, на котором разворачиваются основные события, это, в первую очередь, проникновение в мироощущение самого автора, в его психоэмоциональное мировосприятие, заключающие в себе чувства, эмоции, настроение.

Первый дан книги Сэй-Сёнагон – это тот фон, на котором разворачивается сама жизнь и автор признает этот факт:

«Весною – рассвет.

Все белее края гор, вот они слегка озарились светом. Тронутые пурпуром облака тонкими лентами стелются по небу.

Летом – ночь.

Слов нет, она прекрасна в лунную пору, но и безлунный мрак радует глаза, когда друг мимо друга носятся бесчисленные светлячки. Если один-два светляка тускло мерцают в темноте, все равно это восхитительно. Даже во время дождя – необыкновенно красиво.

Осенью – сумерки...»³.

¹ Конрад Н.И. Очерки японской литературы. М., 1973. С. 35.

² Шуплецова Ю.А. Отражение особенностей менталитета в женской японской прозе периода Хэйан // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 4. С. 117.

³ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 5.

«Записки у изголовья» Сэй-Сёнагон буквально пронизаны описаниями природы во всех ее проявлениях, во всех аспектах отношения к ней человека. Можно сказать, природа – душа этого произведения. Она является источником многочисленных переживаний, эмоций человека, посредством ее в произведении выражены основные категории японской эстетики. Природа – это и объект созерцания («любования»), и источник вдохновения¹.

Сэй-Сёнагон нередко говорит о красоте с оттенком грусти. Например, по поводу появившегося на небе тонкого месяца прямо восклицает: «Сколько в этом печальной красоты!»²; о солнце: «Солнце всего прекрасней на закате. Его гаснущий свет еще озаряет алым блеском зубцы гор, а по небу тянутся облака, чуть подцвеченные желтым сиянием. Какая грустная красота!»³. Природные явления наиболее часто вызывают подобную реакцию у героев «Записок у изголовья» – представителей аристократии того времени, и главным образом, у самой повествовательницы, являющейся эмоциональным центром произведения. Именно природа является неиссякаемым источником моно-но аварэ, скрытой эстетической сущности, которую надлежало обнаружить и показать, но не прямо, а тонким намеком, создающим соответствующий душевный настрой.

Умение найти в объекте скрытое очарование значило проявить тонкость чувствования, эстетический вкус.

Эстетика «надежды достичь» очень глубока в японской литературе. Ценится не то, что есть целиком и все здесь, а в чем присутствует намек, нечто, могущее быть. Существенно для душевной эстетики не овладение, а тоска, ожидание, предвкушение, а не сам вкус⁴. «В третий день третьей луны солнце светло и спокойно сияет в ясном небе. Начинают

¹ Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М., 1975. С. 211-213.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 159.

³ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 276.

⁴ Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М. 1979. С. 218-224.

раскрываться цветы на персиковых деревьях. Ивы в эту пору невыразимо хороши. Почки на них словно тугие коконы шелкопряда. Но распустятся листья – и конец очарованию»¹. А прекраснейшей порой расцвета Сэй-Сёнагон называет время, «когда цветок лишь ожидает, что выпадет роса...»².

Вкус к намеку, недосказанности, имеет отношение к поэтике изменчивости, возникшей в Японии под влиянием буддизма.

Для японского эстетического сознания было характерно восприятие находящегося в постоянном движении мира как лишённого какой-то определенности, завершенности³.

Любовь к недосказанности пронизывает «Записки у изголовья». Кроме того, можно предположить, что даны, посвященные перечислениям («реки», «горы», «водопады», «буддийские храмы» и т.д.), выражают подобную недосказанность. Возможно, при упоминании названий птиц, мостов, островов должны были появляться определенные ассоциации (это могли быть воспоминания, легенды или стихотворения, например), полет которых Сэй-Сёнагон не ограничивала рамками текста. А что это, если не прелесть недосказанности?

Достаточно намека, чтобы возбудить воображение, чтобы сочинить или вспомнить стихотворение.

Восток постигает, не называя; в молчании больше смысла, чем в сказанном. Дальневосточная эстетика исходит из того, что слова – это паузы в непрерывном молчании. Как замечает В. Мильдон, «Для японца свобода состояла не в том, чтобы все сказать, а чтобы понять безымянное»⁴.

Моно-но аварэ может появляться не только на фоне природы. «Печальное очарование» может раскрываться и в образах людей. В этом

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 9.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 51.

³ Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М. 1979. С. 224.

⁴ Мильдон В.И. Бесконечность мгновения. М. 1992. С. 284.

случае человеком, который ощущает или должен ощутить очарование, становится либо сам автор, испытывающий определенные эмоции при описании персонажа, либо читатель, перед взором которого рисуется картина, настраивающая на конкретные чувства. Примером в «Записках у изголовья» может служить образ императрицы. Сэй-Сёнагон постоянно восхищается ею: «Как прекрасна была государыня в эту минуту!»¹, «Она казалась рассерженной, но и в такую минуту была прелестна...»², но красота повелительницы отверженная, красота на фоне печали, ведь юная Садако была в немилости. Красоту на фоне печали мы можем увидеть еще в одном отрывке:

«Мне нравится, если дом, где женщина живет в одиночестве, имеет ветхий, заброшенный вид. Пусть обвалится ограда. Пусть водяные травы заглушат пруд, сад зарастет полынью, а сквозь песок на дорожках бьются зеленые стебли... Сколько в этом печали и сколько красоты!»³.

Особенно часто в «Записках у изголовья» повторяется слово *окаси* (прекрасный). Это красота, вызывающая радостное удивление своей оригинальной неповторимостью, красота, которая умиляет; она лишена глубины моно-но аварэ. Если вороны, которые «по три, по четыре, по две, спешат к своим гнездам», ассоциируются у Сэй-Сёнагон с красотой аварэ: «Какое грустное очарование!», то светлячки, которые «тускло мерцают в темноте», или дождь, или вереница диких гусей, которые в небе кажутся совсем маленькими, рождают ощущение *окаси* – смешного и милого. Такое же умиление вызывает у нее «детское личико, нарисованное на дыне. Ручной воробышек, который бежит вприпрыжку за тобой, когда ты пищишь на мышиный лад: тю-тю-тю!»⁴.

Прекрасен должен быть «вещный мир», окружающий человека. Все предметы – будь то всего лишь ширмы «... на новых ширмах часто

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 17.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 136.

³ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 218.

⁴ Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М. 1979. С. 298.

намалевано белилами и киноварью множество цветов вишни. До чего же безвкусно!»¹ или веер «Все веера были из красной бумаги, лишь планки у них сверкали лаком всевозможных оттенков, и, когда веерами взмахивали, казалось, что видишь поле цветущей гвоздики»², или ароматические курения, которыми знатные люди пропитывали свои красочные одежды «Аромат курений поистине пленяет чувства»³, все является объектом эстетического наслаждения.

О расцветке одежд придворных дам и господ следует сказать отдельно. Сколько красок! Сколько разнообразных оттенков и «природных» живых ассоциаций! Мотивы времён года воплощались в цвете, орнаменте, сочетаниях. Цвета одежд и их названия определялись периодами цветения растений. В пример можно привести ряд оттенков зеленого: кафтан зеленый, «как листья лимонного дерева», охотничьи одежды «цвета зеленеющей ивы», весенний цвет «молодые побеги». Отраженная в орнаменте природа давала человеку возможность ощутить единение с ней и внутреннюю гармонию. Красота одежды неразрывно связывалась с красотой природы. Большинство орнаментов для накидок были взяты из традиционных сюжетов четырёх времён года, которые широко распространились в живописи. Орнамент и цвет костюма и всех его принадлежностей, включая пояс, должны отражать сезон года и тем самым гармонировать с окружающим миром⁴. Сэй-Сёнагон так описала один из осенних нарядов придворной дамы эпохи Хэйан: «Дама казалась настоящей красавицей... на ней была нижняя одежда из густо-лилового шелка, матового словно подернутого дымкой, а сверху другая – из парчи жёлто-багрового цвета осенних листьев, и ещё одна из тончайшей прозрачной ткани. Пряди её волос, волнующие ветром, слегка подымались и вновь падали на плечи. Это было очаровательно... Да, она умела глубоко

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 202.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 46.

³ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 249.

⁴ Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М. 1979. С. 245-247.

чувствовать!...»¹. Правила сезонности присутствовали и в мужском костюме, с единственной разницей, что в их распоряжении существовало не так много сезонных цветов и орнаментов. Мужчины уделяли не меньше внимания узорам на своей одежде, чем женщины.

Также моно-но аварэ стал использоваться для передачи ощущения «быстротечности момента», «печали» в связи с его неповторимостью, исключительностью, очарованием природы, всего окружающего мира. Так рождалась утонченная меланхолия поэзии, передающая ощущение быстротечности и утраты красоты.

Эстетика Японии ориентирована на мгновение, на то, чтобы уловить исчезающие, мимолетные образы, которые возникают перед глазами и в воображении. «Помню, однажды во время празднества Камо день выдался пасмурный и холодный. Снег редкими хлопьями падал на шапки танцоров, увенчанные цветами, на их одежды, белые с темно-синим узором. Слова бессильны выразить, как это было прекрасно!»².

Японцы не стремятся отказаться от действительности, наоборот, их стремление связано с тем, чтобы повысить интенсивность ощущения каждого мгновения. Не высказаться о первом снеге, не заметить цветущее дерево – значит укоротить и без того недолгую жизнь. Если миг прожит максимально интенсивно, жизнь становится более насыщенной, и субъективно более продолжительной. И именно в связи с тем, что японцы остро ощущают скоротечность жизни, они не избегают ее, а стремятся ее продлить³.

Японская этика предполагает необходимость проживать каждый миг. В свою очередь, особенностью японской эстетики является необходимость фиксации каждого мига посредством изображения или слова.

---

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 245.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 252.

³ Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М. 1979. С. 245-247.

Таким образом, эстетизм был основной пружиной всей психической жизни господствующего сословия Хэйан, все мировоззрение этой аристократической эпохи можно охарактеризовать как эстетическое. Оно выразилось в таких эстетических категориях, как моно-но аварэ («печальное очарование вещей»), незавершенность и мгновенность. Они играли большую роль в жизни хэйанцев, оказали влияние на литературу, а также сыграли огромную роль в формировании особого японского мировоззрения.

2.5. Сфера межличностных отношений

В хэйанское время особой ценностной категорией становится чувственное восприятие окружающего мира, возникает культ чувств, любви и наслаждения. И.А. Боронина пишет: «Отношение к жизни у аристократии характеризовалось наличием особого культа любви и наслаждения (ирогономи). Это связано с возникновением сознания самоценности человека, сферой выражения которой становится эмоциональная сторона человеческой природы, прежде всего любовное чувство»¹.

Особенности возникновения и дальнейшего формирования этого культа были связаны с полигамным устройством японского средневекового общества. Стиль придворной жизни в Хэйане характеризовался достаточной свободой любовных отношений как со стороны мужчины, так и со стороны женщины. Однако положение мужчины и женщины в этой сфере было далеко не равным. Будучи относительно независима в экономическом отношении, достаточно

---

¹ Боронина И.А. Классический японский роман. М., 1981. С. 13.

образованна, свободна в выражении чувств, хэйанская женщина не могла рассчитывать на прочную семью или прочный любовный союз¹.

Мужчина имел главную, или официальную, жену, которую он чаще всего вводил в свой дом. Во дворце знатного придворного она обычно располагалась в Северных покоях и называлась «Госпожа Северных покоев». Оставался в силе и древний обычай «цумадои», когда муж навещал жену в доме ее родителей. Об этом также пишет Сэй-Сёнагон: «Молодой зять, лишь недавно начавший посещать свою жену в доме её родителей, собирается утром отбывать во дворец»². Помимо главной жены мужчина мог иметь неограниченное число наложниц. При желании наложницу (одну или несколько) мужчина помещал в своём доме или во дворце. И такое положение не только санкционировалось, но и поощрялось общественным мнением: излишняя «верность» одной женщине расценивалась как признак «дурного тона»³.

Положение японской женщины в семейной и любовной сферах было весьма непростым, ее преследовал постоянный страх потерять возлюбленного (для некоторых это одновременно означало и потерю средств к существованию). Не гарантировал от сюрпризов и статус официальной жены: муж в любое время мог привезти в дом или поселить поблизости возлюбленную. На количество жен, скорее всего, влиял материальный фактор, при выборе невесты в первую очередь обращали внимание на обеспеченность и влияние ее семьи. Правильность выбора определялась тем, способна ли семья супруги содействовать зятю в карьерном росте, в повышении его ранга при дворе.

Довольно прагматичный взгляд на брак в эту эпоху связан с тем, что часто браки заключались по решению родителей будущих супругов, а отнюдь не по желанию молодых людей. В таком браке важно доверие и

¹ Боронина И.А. Классический японский роман. М., 1981. С. 14.

² Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 8.

³ Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М., 1975. С. 17-18.

возможность положиться на свое жёну во всем и полностью. От жены же требовалось соблюдение супружеской верности, преданность и терпимость¹.

Культ любви также определялся и регулировался принципом «мононо аварэ». Мужчина и женщина должны были соблюдать в любовных отношениях особый эстетически выверенный ритуал. Исключалось что-либо, что могло нарушить волшебный момент, лишить его очарования. Любовная игра должна была быть грациозной, соответствовать этикетным требованиям. Теме любви в «Записках у изголовья» посвящено много данов. На примере любовных отношений мы можем заметить повышенное внимание аристократов к форме социального выражения своих эмоций. Можно отметить ограниченность тем их разговоров, фиксированность времени и места встреч, ритуал обмена стихами и письмами, даже знакомство мужчины и женщины происходило своеобразно².

Для того, чтобы увидеть девушку, кавалер мог «подглядывать» (каймами). Эта одна из первых стадий сближения. Подглядывать можно было из сада, если отношения с хозяином дома были близкими, или с улицы, если доступа в дом не было. Поскольку во внутренних помещениях царил обычно полумрак, и девушки были закрыты внешними занавесями, увидеть удавалось лишь смутные очертания фигуры, да и это в лучшем случае.

Хорошая возможность знакомства для мужчин представлялась на синтоистских и буддистских праздниках, когда женщины отправлялись взглянуть на торжественную процессию из повозки. Поклонник мог заметить разноцветный надушенный рукав, а иногда даже разглядеть лицо женщины: «Молодые вельможи, что ни говори, льнут к женским кельям и посматривают в их сторону чаще, чем глядят на Будду. Порой они

---

¹ Пасков С.С. Япония в раннее средневековье: VII-XII века. Исторические очерки / Отв. ред. Г.И. Подпалова. М., 2011. С. 126.

² Боронина И.А. Классический японский роман. М., 1981. С. 20.

подзывают храмовых служек, шутят с ними и болтают о разных безделицах...»¹.

Если у мужчины возникало желание добиться большего, то он стремился завязать знакомство с кем-нибудь из прислужниц девушки, которые, как правило, выступали в роли посредниц между своей госпожой и внешним миром. Суждения о женщине основывались на суждениях о ее окружении. Поэтому очень важно было, чтобы воспитание прислужниц было подобающим.

Заручившись поддержкой прислужницы, мужчина передавал своей избраннице письма. Если девушка была расположена к поклоннику, то общение в форме обмена письмами и стихами могло продлиться достаточно долго. На данном этапе очень важную роль играли как сам талант к стихосложению, так и почерк, материал и оформление письма. Кроме того, письмо было призвано показать образованность отправителя.

Обмен подобными посланиями продолжался в течение некоторого времени. Если стороны не успевали разочароваться друг в друге, происходило дальнейшее сближение – мужчина впервые посещал девушку. У него появлялась возможность беседовать непосредственно с предметом своей страсти через занавес. (Мужчина, как правило, сидел на галерее, а женщину сажали за опущенными занавесями, к которым приставляли еще и переносной занавес). На данном этапе отношений были важны голос, умение поддержать беседу, обладание музыкальными талантами. Не менее важна была и грамотность речи: «Когда кто-нибудь (хоть мужчина, хоть женщина) невзначай употребит низкое слово, это всегда плохо. Удивительное дело, но иногда одно лишь слово может выдать человека с головой. Станет ясно, какого он воспитания и круга»².

И если мужчина и женщина сблизилась, то утром кавалеру следовало уйти на рассвете, как можно раньше, пока весь дом погружен в

---

¹ Сэй-Сэнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 165.

² Сэй-Сэнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 241.

сон. Разумеется, все это давало влюбленным повод для самых утонченных переживаний, окрашенных сладкой печалью неизбежной разлуки. Здесь не было незначительных мелочей: «Покидая на рассвете возлюбленную, мужчина не должен слишком заботиться о своем наряде. Не беда, если он небрежно завяжет шнурок от шапки, если прическа и одежда будут у него в беспорядке, пусть даже кафтан сидит на нем косо и криво, – кто в такой час увидит его и осудит? Когда ранним утром наступает пора расставанья, мужчина должен вести себя красиво. Полный сожаленья, он медлит подняться с любовного ложа. Сидя на постели, он не спешит натянуть на себя шаровары, но, склонившись к своей подруге, шепчет ей на ухо то, что не успел сказать ночью, при этом он незаметно завязывает на себе пояс, чтобы не расстроить возлюбленную столь скорой спешкой»¹.

Кавалер, возвратившись после подобной встречи, должен был незамедлительно написать стихотворное любовное послание своей возлюбленной. Мужчина должен был быть опытным в любовных делах: он должен был владеть искусством любовного свидания, знать, как элегантно начать и завершить посещение любимой. Если подобные нормы, сугубо эстетические, не соблюдались, человек мог попасть в нелепое положение. Несоблюдение приличий свидетельствовало лишь об отсутствии должного воспитания у кавалера. Неосторожное поведение мужчины оскорбляет его возлюбленную, потому что воспринимается как пренебрежение к ней.

Таким образом, в хэйанской Японии аристократией тщательно соблюдались все правила отношений между мужчиной и женщиной. От столичной аристократии требовалось строгое соблюдение этих норм, принятых в обществе, дабы не попасть в нелепое положение, не быть высмеянным. Аристократы обязаны были быть утонченными во всех областях, но особенно в делах любовных.

---

¹ Сэй-Сэнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. М., 2018. С. 276.

Глава 3. Возможность использования темы в школьном преподавании

3.1. Отражение темы в нормативных документах системы среднего образования и учебниках по курсу МХК

Как гимнастика выпрямляет тело, так искусство выпрямляет душу.
Познавая ценности искусства, человек познает человеческое в человеке.

В. Сухомлинский

В начале XXI в. была сформулирована новая концепция российского образования, в рамках которой школа должна выполнить важный «социальный заказ»:

«На современном этапе развития России образование становится все более мощной движущей силой экономического роста, повышения эффективности и конкурентоспособности народного хозяйства... Школа — в широком смысле этого слова — должна стать важнейшим фактором гуманизации общественно-экономических отношений, формирования новых жизненных установок личности»; «Развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут принимать ответственные решения в ситуации выбора, способны к сотрудничеству, обладают развитым чувством ответственности за судьбу страны»¹.

В «Концепции модернизации Российского образования до 2010 года» был не только объявлен «социальный заказ», но и подсказаны направления реформаторской деятельности: необходимо ориентировать образование «не только на усвоение учащимися определенной суммы знаний», но и на «развитие личности человека, его познавательных и созидательных способностей»; выделять в качестве «первостепенного приоритета в образовании воспитание»; «более полно использовать нравственный

---

¹ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (утвержден приказом Министерства образования и науки РФ от 11.02.2002. № 393). URL: <http://www.edu.ru/documents/view/1660/>

потенциал искусства как средства формирования и развития этических принципов в целях духовного развития личности»¹.

Ответом на актуальные задачи времени стал Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) нового поколения от 2010 г., в котором установлены следующие требования к достижению у школьников личностных результатов в освоении школьных программ:

- воспитание российской гражданской идентичности, патриотизма, уважения и любви к своему народу, чувства ответственности и долга перед Родиной;
- формирование целостного мировоззрения, соответствующего современному уровню развития науки и культуры, духовному многообразию современного мира;
- формирование нравственных чувств и нравственного поведения, а также осознанного и ответственного отношения к собственным поступкам;
- формирование толерантного сознания и поведения в обществе (уважительного и доброжелательного отношения к другому человеку, его мнению, мировоззрению, культуре, языку, религии, традициям), готовности и способности вести диалог с другими людьми и достигать в нем взаимопонимания, воспитание культуры общения и сотрудничества с людьми разного возраста;
- осознание значения семьи в жизни человека и общества, принятие ценностей семейной жизни, воспитание заботливого отношения к членам своей семьи;
- формирование основ экологической культуры, любви и бережного отношения к природе;

---

¹ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (утвержден приказом Министерства образования и науки РФ от 11.02.2002. № 393). URL: <http://www.edu.ru/documents/view/1660/>

- формирование ценностей здорового образа жизни, ответственного отношения к физическому и психическому здоровью человека, воспитание потребности в занятиях физической культурой;
- развитие эстетического сознания через освоение художественного наследия народов России и мира, творческой деятельности эстетического характера¹.

Перед российской школой поставлены сложные задачи психологического плана. Но как их решить? Как получить результаты, указывающие на сформированность у выпускника высоконравственной зрелой личности, чего требует современное состояние страны?

Искусство, или художественная культура, созданное человечеством как способ хранения и передачи от поколения к поколению духовных ценностей (в виде отношения человека к другим людям, к природе, к труду — ко всему в жизни), владеет мощными средствами воздействия на человеческую личность, воспитывая и развивая ее; во многом определяет культуру народа, формирует тот «человеческий потенциал», который строит экономику страны; приобщает подрастающих граждан России к непреходящим ценностям человечества.

На современном этапе развития страны без привлечения искусства в образование и без использования в преподавании искусства особых (художественно-педагогических, ценностно-смысловых) технологий, разработанных в педагогике искусства и позволяющих организовывать общение школьников с искусством на уроках, решить психологически сложные задачи воспитания и развития человека, а значит вырастить «человеческий капитал», способный модернизировать Россию, практически невозможно.

---

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утвержден приказом Министерства образования и науки РФ 17.12.2010. № 1897). URL: https://minobr.gov-murman.ru/files/Pr_1897.pdf

Цель предмета «Мировая художественная культура» (МХК) — силой воздействия различных искусств в их комплексе формировать духовный мир школьника, его нравственность, эстетическую восприимчивость в особо ответственный возрастной период развития — период перехода к самостоятельности¹.

Ключевые задачи реализации программ, отражающие личностное, познавательное, коммуникативное, социальное и эстетическое развитие школьников, определены в соответствии с требованиями Федерального образовательного стандарта основного общего образования второго поколения и с учетом специфики предмета МХК:

личностное развитие связывается с реализацией творческого потенциала школьников; с выработкой у них готовности выражать свое отношение к искусству; с формированием их мотивации к художественному познанию окружающей действительности; с проявлением ценностно-смысловых ориентаций и духовно-нравственных оснований; со становлением самосознания, самооценки, самоуважения и жизненного оптимизма;

познавательное развитие обучающихся будет обусловлено активизацией творческого мышления, продуктивного воображения и рефлексии; формированием целостного представления об искусстве, его истоках и образной природе; познанием языка разных видов искусства, многообразия их форм и жанров; осознанием роли искусства в жизни человека;

коммуникативное развитие школьников определяет их умение слушать, уважение к мнению других; способность встать в процессе дискуссии на позицию другого человека; готовность вести диалог; участие

---

¹ Предтеченская Л.М., Пешикова Л.В. Мировая художественная культура. 6 – 11 классы: Сборник программ и методических материалов: Пособие для учителя / Автор-составитель и науч. редактор Л. В. Пешикова. СПб., 2017. С. 12.

в обсуждении значимых для человека явлений жизни и искусства; продуктивное сотрудничество со сверстниками и взрослыми;

социальное развитие учащихся проявляется в формировании у них целостной художественной картины мира; в воспитании патриотических чувств; в сформированности основ гражданской идентичности; в выработке готовности к толерантным отношениям в поликультурном обществе; в овладении социальными компетенциями;

эстетическое развитие учащихся направлено на их приобщение к эстетическим ценностям; на формирование у них эстетического отношения к действительности; на развитие эстетических чувств; на развитие потребности жить по законам красоты; на формирование эстетических идеалов и потребностей; на воспитание художественного вкуса; на выработку стремления быть прекрасным во всем — в мыслях, делах, поступках, внешнем виде¹.

Программа предусматривает изучение Мировой художественной культуры на основе единых подходов, исторически сложившихся и выработанных в системе школьного образования и воспитания.

Основные дидактические принципы:

1. Принцип интеграции. Интеграция лежит в основе предмета и является важнейшим принципом построения его программ. В курсе комплексно и синхронно изучается зарубежное и отечественное искусство, различные его виды: литература, изобразительное искусство, музыка, кино. Каждое искусство «живет» по своим законам, но между ними устанавливаются теснейшие идейно-нравственные и эстетические взаимосвязи, обусловленные эпохой и общими закономерностями развития художественной культуры.

---

¹ Предтеченская Л.М., Пешикова Л.В. Мировая художественная культура. 6 – 11 классы: Сборник программ и методических материалов: Пособие для учителя / Автор-составитель и науч. редактор Л. В. Пешикова. СПб., 2017. С. 12-14.

2. Принцип историзма — раскрывает перед учащимися закономерности развития мирового искусства, обеспечивает понимание школьниками глубокой зависимости художественных явлений от явлений общественной жизни. Ученика убеждает в этом не только исторический опыт человечества, сконцентрированный в произведениях искусства, но и современное состояние культуры, отечественной и мировой, увиденное, эмоционально прочувствованное и понятое сквозь призму этого жизненного опыта.

3. Принцип художественности — представляет художественную культуру в ее специфическом аспекте — как духовно-практический способ познания жизни, нацеливает в преподавании «говорить языком самого предмета» и идти по пути организации общения учащихся с вечно живыми произведениями искусства, являющимися кладовой важнейших жизненных ценностей.

4. Принцип метапредметности — открывает широчайшие возможности для мобилизации глубоких и разносторонних связей предмета «Искусство» с предметами гуманитарного и естественно-научного циклов, с внеклассной и внешкольной жизнью школьников. Это выражается в приведенных ниже положениях.

- Программы по искусству и методы их реализации требуют использования знаний, умений, навыков и впечатлений, полученных на уроках истории, литературы, изобразительного искусства и музыки в младших, средних и старших классах, обобщают и углубляют их, завершают формирование этих знаний в школе.
- История на уроках искусства предстает «очеловеченной» — в «живых» картинах, красках, музыкально-звучащих образах, передающих дух времени; исторические события отражаются в художественных произведениях эпохи.

- Поступательное развитие художественной культуры проходит перед глазами учащихся во взаимосвязи с эволюцией науки и техники, показывая, что научные и технические открытия оказывают влияние как на духовную, так и на материальную составляющую художественного творчества.
- В ходе преподавания предмета идет процесс интеграции знаний и впечатлений по искусству, получаемых учащимися из внешкольных источников, их отбор, обобщение и оценка — осуществляется активное «погружение в культуру». Так происходит реализация принципа метапредметности как «принципа школы без стен», формами которого являются коллективное и индивидуальное посещение театров, концертных залов, музеев, выставок; чтение дополнительной художественной и научно-популярной литературы по искусству и др.
- Предметы всех образовательных областей при одновременном преподавании в школе интегрального курса «Искусство» эффективно обогащаются духовно-нравственной и социальной составляющими учебного процесса, важность которых обозначена в Федеральных образовательных стандартах второго поколения.
- В сознании учащихся создается целостная картина мира, которая является одновременно и мировоззренческой картиной мира; разворачивается широкое полотно жизни в ее исторической перспективе.

5. Принцип целостности и системности, непрерывности и преемственности — предполагает изучение МХК на протяжении всех лет обучения в школе. Избранные исторический и тематический подходы к изучению предмета обеспечивают осуществление преемственности на каждом из этапов. Материал, близкий в историческом или тематическом

плане, раскрывается и обобщается на качественно новом уровне с учетом ранее изученного.

6. Принцип вариативности — нацеливает учителя на творческое отношение к программам предмета и их реализации, с учетом собственных интересов и знаний, а также индивидуальных особенностей учеников, классов, специфики школы. Поэтому в программе предусмотрено неотъемлемое право учителя вносить изменения в распределение часов на изучение отдельных тем (сокращать или увеличивать их количество), выделять крупные тематические блоки, намечать последовательность их изучения. Вместе с тем любой выбор и методическое решение, сделанное учителем, должно соотноситься с образовательным эффектом, не разрушать логики и общей образовательной концепции программы¹.

Учебник Даниловой Г.И. «Искусство. 10 класс. Базовый уровень»² входит в учебно-методический комплект по искусству для 10 класса (базовый уровень). Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту среднего (полного) общего образования, рекомендован Министерством просвещения РФ и включён в Федеральный перечень.

Тема обучения в 10 классе – «От истоков до XVII века». Автор в исторической последовательности знакомит учащихся с шедеврами мирового искусства, характерными особенностями мировоззрения художественной эпохи и ее творцов, сменой и развитием стилей и направлений в искусстве, важнейшими закономерностями развития мировых цивилизаций. Содержание материала учебника нацелено на освоение духовного потенциала мировой художественной культуры, имеет политкультурный характер, отражает многообразие и единство искусства.

---

¹ Алексеева Л.Л. Государственные образовательные стандарты общего образования и предметы искусства // Педагогика искусства: электронный научный журнал. № 2. 2010. URL: <http://www.art-education.ru/AE-magazine/>.

² Данилова Г.И. Искусство. 10 класс. Базовый уровень: учебник / Г.И. Данилова. – М.: Дрофа, 2019. – 266 с.

Тему данной работы возможно использовать при изучении раздела «Искусство средневекового Востока».

«Мировая художественная культура» как учебный предмет способствует формированию у школьников основ художественного мышления, что позитивно сказывается в целом на развитии у молодёжи способности думать, ставить и осознавать проблемы, находить пути их разрешения, осуществлять необходимые при этом действия и делать соответствующие выводы. Но, главное, потенциал мировой художественной культуры может в полной мере обеспечить и качественно новый уровень образования на старшей ступени общеобразовательной школы. И это проявит себя во взаимодействии учащихся с окружающим миром (социализации), согласованности между убеждениями и различными аспектами деятельности (воспитанности), сформированности у юношей и девушек истинно человеческих качеств: любви и доверия к людям, трудолюбия и самостоятельности, этических принципов, стремления к знаниям – творческого самообразования и саморазвития.

3.2. Методы и приемы обучения, используемые на уроках мировой художественной культуры при изучении темы «Искусство Страны восходящего солнца»

Ориентация современной школы на гуманизацию процесса образования и разностороннее развитие личности ребенка предполагает необходимость гармоничного сочетания учебной деятельности, в рамках которой формируются базовые знания, умения и навыки, с творческой деятельностью, связанной с развитием индивидуальных задатков учащихся, их познавательной активности.

Курс "Мировая художественная культура" для учеников-старшеклассников создает благоприятную почву для выполнения задач

гуманитаризации. Указанный курс ориентирован не столько на то, чтобы дать ученикам конкретные знания по истории и теории искусства, сколько на то, чтобы сформировать позитивные отношения индивида с миром эстетических ценностей, способствовать формированию художественного вкуса, доказать, что мировая и отечественная художественная культура, шедевры которой создавались человечеством на протяжении веков, не являются чем-то абстрактным, оторванным от практической деятельности современного человека.

Именно эти задачи призваны решить разнообразные методы и приемы урока, используемые учителем на уроке.

Уроки по искусству лучше проводить в форме дискуссий, семинаров, творческих мастерских, небольших театрализованных представлений. Именно такие формы организации урока формируют у учащихся устойчивый интерес к учебе, снимают напряжение, помогают формировать навыки учебной деятельности, имеют эмоциональное воздействие на детей, благодаря чему у них формируются более прочные и глубокие знания. Многолетний опыт работы педагогов подтвердил эффективность этих форм и методов.

Для привлечения внимания учащихся и активизации их познавательной деятельности, урок следует начать с просмотра видеофрагмента «Гора Фудзи. Япония». После просмотра можно поставить следующие вопросы, адресованные учащимся: «О чем мы будем говорить сегодня на уроке?», «В чем особенность и географических, и климатических условий, которые могли повлиять на культуру Японии?», «Каковы отличительные черты искусства и культуры Японии?».

Традиционные культурные представления сформировались в Японии на основе синтоизма, буддизма, а также конфуцианства и даосизма. Здесь целесообразным является опора на имеющиеся знания учащихся, на пройденный ранее материал в рамках уроков истории, поэтому можно использовать беседу в качестве приема обучения.

Нельзя забывать учителю о межпредметных связях школьного предмета МХК с другими дисциплинами, которые преподаются в школе. Так, все мы знаем, что искусство тесно связано с историей, географией, литературой, музыкой. Поэтому на уроке МХК обязательно нужно проводить параллели с этими предметами.

Средневековая японская культура создавалась преимущественно родовой аристократией. Высшие слои общества имели широкие возможности для литературных занятий, изящных развлечений, рисования, танцев, музыки. Одним из главных произведений японской классической литературы являются «Записки у изголовья» Сэй-Сёнагон. Это бессюжетное собрание наблюдений, точных, острых, печальных и остроумных, написанное придворной дамой императрицы с неподражаемым мастерством. Ребятам, предлагается поработать с фрагментами из исторического источника. Проанализировать его и ответить на вопрос учителя: «В чем особенность религиозного мировоззрения японцев?».

Предполагая использование на уроке данных фрагментов, необходимо исходить из конкретных задач урока, его основного содержания. Итогом этой работы будет выделение отличительной черты культуры Японии – концентрация внимания на внешней красоте вещей. Целесообразная и методически грамотно продуманная работа по использованию письменного источника в процессе обучения принесет неоценимую пользу учащимся: повысит мотивацию, обеспечит высокую эффективность в обучении, вызовет у ряда учащихся желание к саморазвитию и самообразованию, что и является основной целью современного образования.

Изменения, которые происходят в современном обществе, непосредственно касаются характера образовательного процесса. Объем информации, который проходит через средства массовой коммуникации, становится все больше разветвленным и насыщенным. Практически вся

информация уже теперь приходит к человеку через средства массовой информации, которые могут быть широко использованы в современной школе. На современном этапе, традиционное представление материала такого комплексного и интегрированного курса, как «Мировая художественная культура» невозможно без углубления в атмосферу новых компьютерных информационных технологий. Такой подход дает возможность организации самостоятельной поисковой деятельности и активизации творческих способностей учащихся.

На уроке МХК в современной школе под руководством учителя учащиеся должны научиться самостоятельно и творчески организовывать свою деятельность, осуществлять поиск и систематизацию материала в различных источниках и преобразовывать ее в знания, использовать компьютерные технологии для оформления творческих и домашних работ.

Для активизации урочной работы желательно использовать метод проектов. Это активная форма работы, где сквозным, ведущим звеном является принцип самообразования. Самообразование – ведущий принцип, согласно которому основой учебного процесса является самостоятельная работа учащихся по расширению своего мировоззрения, развитию навыков учебно-воспитательной работы на основе комплексного освоения предметов гуманитарного цикла. Уже на стандартных уроках мировой художественной культуры учащиеся получают не только обязательные домашние задания, но и задания для реализации принципа самообразования. Выполняя эти задачи, дети достаточно свободны и имеют возможность для проявления творческой инициативы. Результаты самообразования оцениваются не столько по качеству оформления отчетного материала, сколько по добросовестной работе, динамике роста творческих способностей, активности восприятия материала в широком культурологическом контексте и глубокой исторической перспективе.

Метод проектов пропагандирует отказ от авторитарности в обучении и поощрения личной инициативы учащихся, резко повышает мотивацию

познавательно-продуктивной деятельности. Мотивация оказывается наиболее сильной, когда задаче придается практическая значимость (разработка и создание наглядного макета японского сада).

Сильный эмоциональный отклик у учащихся вызывает театрализация. Это уникальная возможность окунуться в эпоху изучаемого, увидеть ее как бы «изнутри». Театрализация, начиная с замысла, написания сценария, создания костюмов, декораций, репетиций и подбора даже незначительных деталей, характеризующих эпоху, – всегда процесс плодотворного коллективного сотрудничества, новых творческих открытий для учащихся. На данном уроке учащиеся могут подготовить театрализацию чайной церемонии в классе.

Особенностями активных форм обучения является разнообразие жизни школьников, формирование интереса к познавательному общению, к активизации школьной жизни, удовлетворению потребности учащихся в развитии интеллектуальной, мотивационной, эмоциональной и других сфер. Нестандартные приемы и метод проектов должны использоваться в работе каждого учителя, поскольку они активизируют учебный процесс, обогащают и разнообразят построение методической структуры урока.

Заключение

На основании изученных материалов мы пришли к следующим выводам:

Эпоха Хэйан стала для Японии периодом небывалого культурного взлета и расцвета в сфере искусств, литературы и поэзии. Мировоззрение, образ жизни аристократа того времени создали беспрецедентные условия для развития именно японской национальной культуры.

На формирование японской культуры этой эпохи повлияло множество факторов. Среди них значимое место занимают такие факторы, как: перенос столицы, ознаменовавший начало новой эпохи; формирование дуальной системы управления государством, которое произошло благодаря усилению рода Фудзивара; создание слоговой азбуки (кана), давшей возможность создавать различные литературные произведения женщинам, ставшими основными творцами эпохи. Примечательным событием этого периода был синкретизм синтоизма и буддизма. В период Хэйан Япония отстраняется от официальных контактов с Китаем и начинает «переваривать» всё то, что было заимствовано ранее. Дух подражания все более вытесняется стремлением к созданию местных форм в самых различных сферах деятельности. В истории культуры Японии эпоха Хэйан связана с необычайным расцветом искусств, ремесел, науки, эстетизации быта.

Эстетизм был основной пружиной всей психической жизни господствующего сословия Хэйан, все мировоззрение этой аристократической эпохи можно охарактеризовать как эстетическое. Оно выразилось в такую эстетическую категорию, как моно-но аварэ («печальное очарование вещей»). Этот принцип применялся ко всем сферам жизни аристократов, от природы до религии, от любовных отношений до быта.

«Записки у изголовья» Сэй-Сёнагон буквально пронизаны описаниями природы во всех ее проявлениях, во всех аспектах отношения к ней человека. Можно сказать, природа – душа этого произведения. Она является источником многочисленных переживаний, эмоций человека, посредством ее в произведении выражены основные категории японской эстетики. Природа – это и объект созерцания («любования»), и источник вдохновения.

Любовные отношения, будучи едва ли не осью, вокруг которой вращалась вся жизнь хэйанских вельмож, также были полностью эстетизированными. Кавалеры и дамы и в период ухаживания, и уже в браке (форма которого, по нынешним меркам, была весьма специфической) должны были соблюдать целый ряд неписанных правил. Целью этих правил было недопущение какой-либо дисгармонии, которая могла заключаться в безобразном внешнем виде, грубости, невежестве, бестактности и отсутствии вкуса, ведь все это могло помешать постижению моно-но аварэ в любовных отношениях.

Не менее сильно эстетизация затронула и быт аристократов. Здесь не существовало мелочей: все - от чернильницы до архитектуры - призвано было удовлетворять стремлению вельможи к эстетическому наслаждению, которое могло быть достигнуто созерцанием, например, дверей или кувшина.

Те же составляющие быта (архитектура, внутренняя обстановка жилища, одежда, произведения искусства, различные мелочи и т. д.) служили антуражем для развлечений аристократов. Устраивались различные пиры, поездки, поэтические турниры, соревнования. Кроме того, подобные мероприятия служили ареной политической борьбы, которая осуществлялась через демонстрацию различных талантов, костюма, манер и др.

И, конечно, захватив все области существования знати, эстетика не могла не проникнуть в религиозную сферу. Там достаточно поверхностное

усвоение буддизма (как носителя определенных моральных требований) сочеталось с применением эстетических критериев ко множеству элементов: внешний вид священника, внутренняя обстановка храма и т. д. Влияние светской эстетики отразилось и на религиозном искусстве: скульптура, живопись, храмовая архитектура и др.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что все сферы жизни хэйанского аристократа, осмысливались, в первую очередь, с точки зрения эстетики, основной категорией которой было моно-но аварэ.

Эпоха Хэйан прошла под знаком культа красоты, который проповедовали аристократы. Именно отсюда выйдут потом важнейшие категории японского мировоззрения. Сэй Сёнагон блестяще отразила жизнь общества, к которому принадлежала и сама, в «Записках у изголовья». Ее произведение стало отражением не только быта эпохи, но и тех основ мировоззрения, которые формировались во времена Хэйана.

Методическая разработка по данной теме исследования может быть использована учителем Мировой художественной культуры как конечный информационный продукт.

Библиографический список

Источники:

1. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (утвержден приказом Министерства образования и науки РФ от 11.02.2002. № 393). URL: <http://www.edu.ru/documents/view/1660/>
2. Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. В. Марковой. – М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018. – 350 с.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утвержден приказом Министерства образования и науки РФ 17.12.2010. № 1897). URL: https://minobr.gov-murman.ru/files/Pr_1897.pdf

Литература:

4. Алексеева Л.Л. Государственные образовательные стандарты общего образования и предметы искусства // Педагогика искусства: электронный научный журнал. 2010. № 2. URL: <http://www.art-education.ru/AE-magazine/>.
5. Боги, святилища, обряды Японии: Энциклопедия синто / Под ред. Смирнова И.С., Мещеряков А.Н., Федянина В.А. – М.: РГГУ, 2010. – 310 с.
6. Боронина А.И. Классический японский роман. – М.: Наука, 1981. – 295 с.
7. Бреславец Т.И. Литература Японии VIII-X вв. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2005. – 222 с.

8. Бродский В.Е. Японское классическое искусство. – М.: Искусство, 1969. – 285 с.
9. Васильев Л.С. История религий Востока: Учебное пособие для вузов. – М.: Книжный дом, 1999. – 432 с.
10. Виноградова Н.А. Скульптура Японии. III - XIV век. – М.: Изобразительное искусство, 1981. – 240 с.
11. Горегляд В. Н. Японская литература VIII—XVI вв.: Начало и развитие традиций. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001: 2-е изд. – 400 с.
12. Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. / Отв. ред. О.Л. Фишман. – М.: Наука, 1975. – 379 с.
13. Григорьева Т.П. Красотой Японии Рожденный. – М.: Искусство, 1993. – 464 с.
14. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. – М.: Наука, 1979. – 201 с.
15. Гришин М.В. Эстетизм в японской культуре // Художественная культура. 2012. №4(5). URL: <http://artculturestudies.sias.ru/2012-4/>
16. Данилова, Г. И. Искусство. 10 класс. Базовый уровень: учебник / Г. И. Данилова. – М.: Дрофа, 2019. – 366 с.
17. Жуков А. Е. История Японии. Т.1. С древнейших времен до 1868 г. – М., Институт востоковедения РАН, 1998. – 659 с.
18. Жуков Е.М. История Японии. – М.: СОЦЭКГИЗ, 1939. – 220 с.
19. Иофан Н.А. Культура древней Японии / Отв. ред. Н.А. Виноградова. – М.: Наука, 1974. – 261 с.
20. Иэнага Сабуро. История японской культуры: пер. с яп. / ред. В.С. Гривнин. – М.: Прогресс, 1972. – 229 с.
21. Китагава Д.М. Религия в истории Японии / пер. с англ. Селиверстова Н.М. – СПб.: Наука, 2005. – 596 с.

22. Кожевников В.В. Очерки истории Японии VII-XI вв. – Владивосток.: Издательство Дальневосточного университета, 2000. – 271 с.
23. Конрад Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии: VII-XVI века / Авт. Предисл. Н.А. Иофан. – М.: Искусство, 1979. – 144 с.
24. Конрад Н.И. Очерки японской литературы / Авт. Предисл. Б. Сучков. – М.: Худож. Лит., 1973. – 462 с.
25. Кузнецов Ю.Д. и др. История Японии. – М.: Высшая школа, 1988. – 432 с.
26. Лепехов С.Ю., Лепехова Е.С. Мир буддийских идей и монашество в классической японской литературе. – Улан-Удэ.: БНЦ СО РАН, 2013. – 445 с.
27. Мещеряков А.Н. Герои, творцы и хранители японской старины. – М.: Наука, 1988. – 142 с.
28. Мещеряков А.Н. Древняя Япония: Буддизм и синтоизм. – М.: Наука, 1987. – 192 с.
29. Мильдон В.И. Бесконечность мгновения. – М.: Сов. Писатель, 1992. – 426 с.
30. Молодякова Э.В. Синтоистские праздники // Синто – путь японских богов: в 2 т. Т. I. – СПб.: Гиперион, 2002. – 496 с.
31. Моррис А. Мир блистательного принца. Придворная жизнь в древней Японии / Пер. Харитонов Д. М. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2019. – 464 с.
32. Накорчевский А.А. Синто. – СПб.: Азбука-классика: Петербургское Востоковедение, 2003. – 448 с.
33. Накорчевский А.А. Японский буддизм: история людей и идей (от древности к раннему средневековью: магия и эзотерика). – СПб.: Азбука-классика: Петербургское Востоковедение, 2004. – 381 с.

34. Пасков С.С. Япония в раннее средневековье: VII-XII века. Исторические очерки / Отв. ред. Г.И. Подпалова. – М.: Либроком, 2011. – 208 с.
35. Пинус Е.М., Мелетинский Е.М. Литература IX-XII вв.: [Японская литература] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Т.2. – М.: Наука, 1983. – 584 с.
36. Предтеченская Л.М., Пешикова Л.В. Мировая художественная культура. 6 – 11 классы: Сборник программ и методических материалов: Пособие для учителя / Автор-составитель и науч. редактор Л. В. Пешикова. – СПб.: Фонд «Социально-культурная инициатива», 2017. – 185 с.
37. Розенберг О.О. Проблемы буддийской философии. – М.: Наука, 1991. – 254 с.
38. Спеваковский А.Б. Религия Синто и войны. – Л.: Лениздат, 1987. – 112 с.
39. Шабаетова М.В. Дневниковая проза как исторический источник о средневековом обществе Японии // Вестник науки Сибири. 2014. №2(12). – С. 222-227. URL: <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/16715>
40. Шуплецова Ю.А. Отражение особенностей менталитета в женской японской прозе периода Хэйан // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 4. – С. 117-119. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=2271> (дата обращения: 06.06.2019).

Приложение